

В. А. Новиков

Русский перевод

Хорошо темперированный курс теории
и практики синхронного перевода

Пособие для начинающих
и
читающих

Благодарность

1) Володе Колесникову персонально

2) друзьям

3) товарищам по работе

за большую, но, к счастью, неоценимую помощь, оказанную (как сознательно, так и бессознательно) в составлении данного учебного пособия,

и особо Саше Кальниченко, благодаря которому это сочинение было напечатано в переводческом альманахе «Протей».

Предупреждения автора

Данное учебное пособие никакого практической ценности, а также исковой силы, не имеет.

События, описанные в пособии, к реальности имеют самое далекое отношение.

Действующие лица в действительности никогда не действовали или действовали не совсем так, а иногда и совсем не так, как это описано в пособии, и использованы автором исключительно в учебно-иллюстративных целях.

Любые аналогии, аллюзии и ассоциации являются проявлениями безответственности со стороны читающего, несущего за них всю полноту ответственности.

Последнее предупреждение является последним.

Урок первый

Карающая десница бабушки Лизы, или происхождение синхронного перевода

«Бабушка Лиза лежала у истоков синхронного перевода». «Фу, как нехорошо получилось, - нахмурился Денисов, - какая нехорошая двусмысленность. Сразу представляется «Даная» Рембрандта. Хотя при переводе, как это и бывает нередко, неуместная ассоциативность исчезнет. ... *était une des fondatrices*¹, *was among the founding fathers of conference interpretation*² ... Господи, одно исчезло – другое появилось: уж отцом-основателем синхронного перевода хрупкую Лизу, при всей ее всемирно-исторической роли, называть все-таки не следует. И вообще, учебник нужно писать на русском языке. И фамильярность неуместна, «бабушка Лиза» она только для нас, русских синхронистов».

Денисов трепетно относился к бабушке Лизе. «“Awe” should work here better than “trepidation”³, - автоматически подумалось ему. – Хотя фонетически трепет ближе к *trepidation*. Трепидейшн – трепитейшн. Но я опять не о том думаю... И так, бабушка Лиза...»

В самом деле, маленькая Лиза, с лицом, похожим на румяное яблочко, которое слегка подпекли в русской печке, вовсе не походила на дородную Даная. Через стеклянную перегородку, отделяющую русскую кабину от французской, Денисов часто наблюдал за Лизой, смотрел на ее точеный профиль, слушал ее всегда спокойный, уверенный перевод и пытался представить себе, как она выглядела более полувека тому назад, в 1945 году, на Нюрнбергском процессе. Если бы Денисов действительно всерьез взялся за написание учебника синхронного перевода, то он бы начал его так:

«В энциклопедических статьях о Нюрнбергском процессе часто употребляется слово «впервые»: «Впервые агрессия была признана тягчайшим преступлением», «впервые к уголовной ответственности были привлечены официальные лица, ответственные за планирование, подготовку и развязывание агрессивных войн», «впервые было признано, что исполнение распоряжений правительства не освобождает от ответственности»... Но одного «впервые» все-таки не хватает: на Нюрнбергском процессе впервые использовался синхронный перевод. Юная тогда Лиза была одной из первых в мире синхронных переводчиц».

В отличие от энциклопедий, большую роль синхронного перевода впервые отметил осужденный на смертную казнь через повешение инициатор создания гестапо и концлагерей Герман Геринг. «Синхронный перевод сократил мне жизнь», - сказал он.

«И мне, по-моему, тоже, - усмехнулся Денисов. – Да и вообще, что я себе думаю? Какой учебник? Как говорила мне кастелянша в общежитии, шо-то ты много стал про себя понимать, Денисов. Кто ты, собственно, такой? Переводчик, ну и переводи себе. И какое кому дело, как стать таким, как ты?»...

¹ Была одной из основательниц

² Дословно: была одним из отцов-основателей

³ «Благоговение» подойдет здесь лучше, чем «внутренняя дрожь»

Урок второй

Становление синхронного переводчика, или распад личности

Первый блин

Когда Денисов впервые, еще учась на переводческом отделении иняза, попробовал переводить синхронно, ему стало не по себе: ему показалось, что сознание его раздваивается, а временами и расстраивается. Нужно было одновременно слушать, понимать, переводить на другой язык и проговаривать переведенное. Внутри Денисова появлялось как бы несколько личностей, которые и должны были выполнять эти различные функции. Однако личности эти сразу же стали заглушать друг друга, и все закончилось сумбуром и позором. После этого Денисов прочитал немало умных книжек, в которых разъяснялся механизм синхронного перевода, говорилось о «нейтрализации репродукции при восприятии», «синхронизации слуховой рецепции и речи», «когнитивно-тезаурусном выводе», «ситуативно-дейктических импликатурах» и прочих ужасах. Однако удовольствия тогда Денисов этим своим первым опытом, он бы по сей день считал синхронный перевод делом, в принципе, невозможным. Удовольствоваться же ему не дали «курсы», которые продолжили едва начавшийся «распад» и окончательно разложили его личность на «составляющие синхронного переводчика».

Установление принципов и механизмов

Курсы переводчиков ООН стали для Денисова воистину судьбоносными. Попал он на них после тщательнейшего искусственного отбора (времена были советские) и соответствующих экзаменов. За спиной со сколиозом был университет, армия (сколиоз, как известно, лечится только в двух местах: армии и могиле), переводческая работа в странах Африки и Азии. На курсах с целью тестирования Денисова опять заставили надеть наушники и перевести два записанных на пленку выступления. В Денисове вновь появились различные «сущности», которые тут же стали заглушать и вытеснять друг друга. Единственное, что Денисову удалось – перевести «monsieur le Président» как «господин председатель», а не как «месье президент». Он втайне надеялся на то, что его отбракуют и навсегда запишут в «письменники». К большому своему удивлению, ему предложили учиться на синхрониста.

Руководил курсами тов. Базальтов – большой человек, похожий на безусого Котовского с высшим образованием. На этом посту он находился с самого первого дня существования курсов. Он же был и их инициатором и создателем. И их олицетворением.

Главной неофициальной задачей курсов было, как любил выражаться сам Базальтов, выбить из русских переводческих служб ООН «беляков недобитых» и заменить их советскими специалистами. Главной же официальной задачей курсов было выбить из русских переводческих служб ООН «недобитых беляков» и заменить их специалистами советскими.

Обе задачи были успешно выполнены. Бабушку Лизу и других детей русских эмигрантов, сбежавших от ВОСР в ООН, добить не удалось по причине стеклянного занавеса, отделявшего русскую кабину от французской. Собственно, в других языковых службах им было даже лучше. Лучше стало и для русского языка, сильно измороженного в переводах самых первых документов ООН. Особенно большой ущерб был нанесен ему в Уставе ООН, на который принято постоянно ссылаться как на Библию, причем в «канонизированном», естественно, виде. Вот и повторяют десятилетиями русскоязычные дипломаты, переводчики и журналисты причудливые формулировки, не веря своим глазам и ушам, но делая вид, что лучше и сказать, право, нельзя: *«содействовать улучшению условий жизни при большей свободе...»*, *«обеспечить принятием принципов и установлением методов...»*, *«Генеральная Ассамблея...делает рекомендации...»*, *«стараться разрешить спор путем...обследования...»*, *«эти меры могут включать полный или частичный перерыв экономических отношений...»*, *«Совет Безопасности должен поощрять развитие применения мирного разрешения...»*, *«различные специализированные учреждения... будут поставлены в связь с Организацией...»*, *«такие учреждения, которые будут поставлены указанным образом в связь с Организацией...»*, *«способствовать... прогрессу населения..., его прогрессу в области образования и его прогрессивному развитию в направлении к самоуправлению или независимости, как это может оказаться подходящим для специфических условий каждой территории и ее народов и имея в виду свободно выраженное желание этих народов, и как это может быть предусмотрено условиями каждого без ущерба для достижения вышеизложенных задач...»*

Перед курсами также стояла задача готовить переводчиков с самым высоким уровнем «работоспособности, компетентности и добросовестности» (см. ст.101 Устава ООН). Эту задачу – в основном, по экстралингвистическим причинам – выполнять удавалось не всегда, и на места недобитых беляков порой попадали довольно забытые совки. Но старания прилагались.

Шоковая терапия

Велась, в общем-то, немалая работа. Преподаватели для курсов были подобраны отменные. Их можно было разделить на две категории: лингвистов и экстралингвистов. Лингвисты учили переводить, давали терминологию, связанную со всеми видами деятельности ООН, начиная от исследования космоса и заканчивая производством биомассы. Экстралингвисты должны были в течение девяти месяцев выносить и родить нового человека – человека, способного жить и работать в космосе, но забывающего о

биомассе, т.е. подготовить советского человека к работе в международной организации за железным занавесом в духе верности коммунистическим идеалам. Они должны были быстро и подробно рассказать слушателям о том, как жил и развивался находящийся за пределами СССР мир после исчезновения в нем динозавров. Благодаря мужественным усилиям этих людей выпускники курсов, попав за «бугор», должны были избежать гибели от культурного шока. Под предлогом изучения «их» ценностей, неизбежно отражающихся, к сожалению, в «их» письменной и устной речи, слушателям рассказывалось о Библии. Она даже показывалась. В этой связи Денисову часто вспоминался его университетский друг, который, когда служил в армии, привез из Африки Библию. По возвращении в часть его «заложили» особисту. Друг стал невыездным на десятилетия. Ему даже с трудом удалось после дембеля выехать из ЗАБВО⁴ в родной Саратов. У Базальтова же Библия играла свою первоначальную роль: она готовила к иному миру.

Денисов, кстати, тоже привез Библию на русском языке из православной Эфиопии, но ему повезло. Бог не выдал, свинья не съела.

Слушателям курсов рассказывал сказки специалист по античной культуре – молодой и по уши влюбленный в мифологию человек. Его, наверное, вызвал Базальтов из 19 века. Он знал об олимпийских богах все, вплоть до интимных подробностей. Однажды, когда он рассказывал о Зевсе, который изверг сперму – то ли на богиню, то ли простую женщину, то ли любимого козленка (Денисов уже не помнил) – у него буквально потекла слюна. После распада СССР «антик» стал видным священником, чуть ли не основавшим какое-то новое направление в православной церкви.

Иногда приходил еще один очень незаурядный человек – экономист из Госплана, которому разрешалось говорить на курсах то, что запрещалось говорить на работе. Он излагал уже совсем убийственные для девственных умов «курсачей» вещи: рассказывал о том, что Советский Союз зашел в экономический тупик, развиваться далее может только за счет все больших народных страданий, но система в любом случае обречена. Приглашали его, наверное, не столько для разъяснения основ экономики – это все равно было бы безнадежным делом – а скорее для того, чтобы полегоньку приучать слушателей к мысли о том, что люди в принципе могут высказывать подобные идеи, и после этого их не сразу увозят в психушку. Хотя, кто знает, может, экономиста все-таки привозили вовсе и не из Госплана, и не в Госплан увозили – в любом случае Денисов его за пределами аудитории никогда не видел, даже в коридоре.

Ради пущей подготовки слушателям раскрывались даже государственные тайны. Красивый и щеголеватый юрист объявил однажды, что финскую войну начал сам Советский Союз, то есть взял сам и буквально совершил агрессию. Базальтов, правда, через несколько дней категорически опроверг эту информацию и исправил «финнов» на «белофиннов».

Порой в класс вкатывался небольшой округлый человек с нерусской фамилией Полонский (то есть вкатывался он иногда, а фамилия у него всегда была нерусская - Полонский). Это был чрезвычайно веселый и ироничный профессор, призванный Базальтовым развенчивать ложность и вредность буржуазных философов: Шопенгауэра, Ницше, Кьеркегора, Хайдеггера и пр. Делал он это, конечно, не потому, что эти так называемые «философы» нуждались в каком-либо развенчивании – после многолетних внутривчерепных инъекций «единственно верного учения» иммунитет у слушателей к

⁴ Забайкальский военный округ

любой другой философии мира был необычайно стойким – а потому, что считалось, что они сильно повлияли на западную культуру, и идеи их или, по крайней мере, фамилии могут упоминаться в выступлениях политических деятелей в ООН. Реальная задача Полонского сводилась к тому, чтобы приучить слушателей не пугаться этих фамилий при их упоминании в текстах или речах и не принимать их за опечатки или дефекты дикции (чего только стоило запомнить, что Kierkegaard и Кьеркегор – это одно, в сущности, лицо).

Скупыми, но мастерскими штрихами, Полонский в течение каких-то мгновений, изобличал всю несуразность умозрительных построений горе-философов. Свой краткий и безжалостный марксистско-ленинский анализ он дополнял личностными характеристиками, делавшими буржуазных мыслителей мелкобуржуазными моральными уродами, интеллектуальными нарциссами и даже гомосексуалистами. Сомневаться в правоте профессора не имело никакого смысла, потому как его допускали к самым первоисточникам. У слушателей такого допуска не было, хотя, впрочем, если бы и был, никто из них «всяких пидарасов» читать не стал бы. Еще профессора пускали на Запад – в Польшу – для расширения научного кругозора (скорее всего самой Польши, потому как расширять собственный ему было уже некуда). Ни в какую другую страну Полонский ездить почему-то не мог, но зато в Польше бывал настолько часто, что в итоге нашел там свои генеалогические корни (или ветви) и провел научное наблюдение за паломничеством к Матке Боске Ченстоховской. Собственно, на занятиях он, в основном, и рассказывал о Польше и поразившей его (наверное, неприятно) набожности поляков. Еще профессор любил рассказывать о своих встречах со знаменитостями. Встреч таких было немало: Полонского часто приглашали читать лекции для творческих коллективов столицы, в том числе и актеров театра на Таганке. Лекции помогали артистам играть еще лучше, а Полонскому – иметь доступ (или допуск) к самым популярным людям того времени. Множество интересных встреч профессор имел почему-то в бане. «Мужики, - говорил он в начале занятий, - сегодня в бане с таким потрясающим человеком познакомился, он мне такое рассказал – закачаестьесь...» Профессор даже Жванецкого в бане видел с его толстым, уже бесформенным и морщинистым от времени знаменитым портфелем. Во втором семестре Полонский внезапно куда-то закатился, возможно, его опять послали к Ченстоховской Матери.

Был еще Великий Страновед. Он абсолютно все знал про все страны мира, знал про них больше, чем они знали про самих себя. Не было ни одного самого крошечного племени, как бы старательно не прятавшегося от Страноведа, про которое бы он не мог порассказать хотя бы в течение полутора часов. Великий Страновед приходил всегда в одном и том же коричневом пиджаке, карманы которого были напичканы карточками со страноведческой информацией. Он никогда не вынимал свои карточки, а только перебирал их пальцами в карманах пиджака, так что казалось, что информация с карточек поступала в голову Страноведа через пальцы. Может, информация текла и в обратном направлении, т.е. от Страноведа на карточки – уж больно сложной у них была взаимосвязь. Чтобы втиснуть в отведенное время максимум информации, от которой просто распирало Страноведа и его карманы, преподавание велось страшной скороговоркой. Скороговорка была настолько страшной, что Страновед никогда не был уверен, произнес ли он на самом деле только что сказанное предложение, и на всякий случай проговаривал его во второй раз. Усвоение материала слушателями в результате значительно улучшалось, и оказавшись Денисов после курсов в Африке в племени Тутси, он

бы прекрасно знал, он бы прекрасно знал, как распознать членов племени Гуту, членов племени Гуту, которые любят рубить Тутси при помощи мачете, при помощи мачете, и при их виде сразу же бы прятался, сразу же бы прятался.

Термообработка

Большое внимание уделялось терминологической подготовке. Ею занимались «лингвисты», среди которых также были интересные и даже незаурядные личности. С чувством необъяснимой грусти вспоминался Денисову преподаватель Туполев, который вел «экономическую» терминологию. Переводы текстов на экономические темы он выслушивал с печальной улыбкой на одутловатом лице и затем тихо спрашивал, а проверяли ли учащиеся все словарные значения слов, содержащихся в тексте. Если же слушатель отвечал, что почти все слова ему хорошо знакомы, и контекст подсказывает, какое словарное значение является подходящим, Туполев спрашивал: «Вы абсолютно в этом уверены?» Лицо его при этом выражало глубокое сострадание, как будто перед ним был неизлечимо больной человек. Слушатель начинал сомневаться и в следующий раз на всякий случай проверял даже те слова, которые ему были хорошо известны. Но и на следующий раз и во все последующие разы его ожидал все тот же вопрос: «А Вы абсолютно в этом уверены?» Своего же варианта Туполев никогда не давал, а лишь глубоко и горестно вздыхал. От этого вздоха становилось стыдно. Через месяца полтора никто ни в чем не был более уверен. На последнем занятии с Туполевым Денисов пришел к страшному осознанию, что больше не знает, как перевести слово «and». Последним же это занятие оказалось потому, что Туполев внезапно скончался. Некоторые говорили, что причиной было большое сердце, другие винули гипертонию. Денисову же казалось, что умер Туполев от отчаяния. Уверенности не было и здесь.

Маленький сухой старичок по фамилии Миролюбов учил терминологии в области разоружения и атомной энергии. Он очень любил свои термины – «интрузивные методы проверки», «прекурсоры», «период полураспада», «средство доставки ядерного боеприпаса к цели» (это уточнение – «к цели» - было обязательным, наверное, во избежание доставки на дом), ПРО, СНВ, МИРВ (этот термин – «ракета с разделяющимися головными частями индивидуального наведения на цель» - при многократном повторении производил на Денисова гипнотизирующее воздействие: ему начинало казаться, что сама голова его разделялась на индивидуальные части), МУДы, ДНЯО, ДВЗЯИ⁵ - китайцы, услышав последние два сокращения, наверняка как-нибудь бы непременно отреагировали (Денисов даже представлял себе донесение китайских военных об успешном дневном наступлении – «Дняо Двзяи Даманский») – и обижался как ребенок, когда кто-нибудь их не выучивал. Правда, МУДы никто из слушателей никогда не забывал. Когда же Миролюбов рассказывал про МАГАТЭ, его поблекшие глаза просветлялись и лицо приобретало нежное и мечтательное выражение. Венское заведение ему было явно дороже КПСС. Казалось, что вот-вот и он продекламирует:

МАГАТЭ ты мое, МАГАТЭ,
Потому что я с севера, что ли...

⁵ ПРО – противоракетная оборона; СНВ – стратегические наступательные вооружения; МУДы - меры по укреплению доверия; ДНЯО – Договор о нераспространении ядерного оружия; ДВЗЯИ – Договор о всеобщем запрещении ядерных испытаний.

В общем, старика старались не обижать и предмет его учили, хотя порой от интрузивности становилось невмагатэ.

Собственно, учил Денисов старательно всю терминологию, которая преподавалась на курсах: по международному праву, финансам, бюджету и т.д.

Скруплезно изучались Устав ООН, правила процедуры Генеральной Ассамблеи, состав и функции различных органов ООН. По всем предметам Денисов завел отдельные папки с глоссариями, которые пополнял в течение многих последующих лет.

Была на курсах и ходячая (и говорящая как диктор «Радио Москва» на английском языке) легенда – профессор Политрутченко, автор учебников по теории и практике перевода, по которым учились во всех уголках нашей необъятной Родины, включая Ямал и Туву. С блистательной вершины своих знаний профессор прекрасно видел глубину невежества остальных. При очередном проявлении последнего он, однако, никогда не удивлялся, а лишь – профессор был заштампован как Рональд Рейган – благосклонно смеялся и затем долго унижал невежду.

Политрутченко был необычайно полезен. Например, на его вопрос «Как перевести “smoking concert”⁶?» нужно было ответить: «Концерт, на который необходимо приходить только в смокингах», что вызывало соответствующий смех и разъяснительную тираду минут на тридцать, в течение которой можно было хорошо отдохнуть. Сам же профессор после «урока» выглядел усталым, но очень удовлетворенным, как после оргазма.

Большое внимание уделялось родному языку. От миловидной преподавательницы с постоянно удивленными глазами, которые она получила во время поездки в Англию, Денисов и его товарищи узнали, что с заглавных букв можно писать все слова не только в таких названиях, как Коммунистическая Партия Советского Союза или Великая Октябрьская Социалистическая Революция, но и в таких исключительных случаях, когда речь идет об Организации Объединенных Наций или Совете Безопасности. Некоторые слушатели научились правильно писать слово «прецедент» и добавили его в своих словниках к слову «экзистенциализм». Особая забота проявлялась о русской стилистике и правильном произношении. Здесь, однако, усилия преподавательницы сильно подрывались ненормативной речью тогдашнего Генерального Секретаря КПСС, высказывания которого распространялись средствами массовой информации по всей стране.

Спецподготовка

Вся эта учеба, конечно, была очень полезной и важной. Однако для Денисова и трех его сокурсников, «избранных» для синхронного перевода, она не была главной. Главной была специальная тренировка, если не сказать «дрессировка», которой с ними занимались преподаватели синхронного перевода. Последних также было немало. Один – чрезвычайно аккуратный и очень любящий собственное британское произношение –

⁶ Концерт, на котором разрешается курить

занимался, в основном, практическими упражнениями, например, «shadowing», когда нужно было просто повторять, с небольшим отставанием, зачитываемый преподавателем текст. «Shadowing»⁷ помог Денисову натренировать одну из внутренних «сущностей» неотступно бегать за оратором. Второй преподаватель – мягкий, улыбочивый и большой – был человеком от науки, изучал законы и механизмы синхронного перевода, которые сам же и создавал. Он был автором книги, в которой он довольно элегантно, на основе многочисленных опытов, доказывал, что переводчик лучше переводит, когда он непосредственно присутствует на заседании и видит зал заседаний и выступающих, чем когда он отсутствует и не видит. Третий – молодой и наглый – должен был учить переводу с французского языка, но на самом деле должны были ему: он был очень «блатной», постоянно мотался в МОТ и на курсах только получал зарплату в периоды между командировками. Занятия его сводились к рассказам о сладкой западной жизни. Четвертый был ярким проповедником компрессирования в синхронном переводе и иронически относился к самой возможности полного перевода. Был он, однако, очень непоследователен: приносил очень «технические» тексты с длинными перечислениями каких-либо продуктов, скажем, сельского хозяйства или металлургии, «скомпрессировать» которые даже сам он никак не мог. Единственное воспоминание, оставшееся от занятий с этим преподавателем, было чувство тихого изумления.

Глыбы

Все эти полезные, безусловно, люди жалко меркли в громадной тени, которую отбрасывали две глыбы практики синхронного перевода: Мастюков и Бугров. Первый вел перевод с французского языка, второй – с английского. Проповедуя совершенно разные подходы к переводу, эти два светила, имевшие богатейший опыт работы на всех уровнях, включая и самый высокий – партийно-правительственный, излучали неистребимую веру в «переводимость» абсолютно всего. Они и дали Денисову все необходимое для его дальнейшей небезуспешной профессиональной деятельности. Хотя поначалу «учение» одного из них – Мастюкова – показалось Денисову довольно сомнительным.

Мастюков был очень большим, тучным человеком с круглыми розовыми щеками и толстыми губами, походившими на красных гусениц. Говорил он громким, гулким басом: «Ну и что, что вы не поняли какого-либо слова? Не беда! Слов много – а вы одни. В затемненной кабине, в условиях полнейшего анонимата, голосом, не допускающим у клиента ни тени сомнений в вашем переводе, вы говорите: «Господин Председатель! В контексте создавшейся ситуации и с учетом вышеуказанных соображений и т.д. и т.п. ...» - а сами в это время стараетесь быстренько понять, к чему же клонит оратор...» «Ну, что Вы запнулись, что тут думать? - басил он незадачливому курсачу. - Думать здесь не надо, нужен непрерывный, уверенный перевод!» «А как здесь лучше перевести – «l'intransigence d'Israel?» «Да так и переводите – «непримиривство Израиля», - действительно недолго думая, отвечал Мастюков. «Непримиривство? А разве есть такое слово?» «Есть такое слово!» - отрезал Мастюков, испепеляющим взором давая понять, что «его слово есть» хотя бы только потому, что он его сказал, а всяким крючкотворам и трясущимся пуристам в кабине не место.

Однако именно Мастюков помог выработать уверенность и чистоту «подачи» - без всяких «эканий» и «блеяний». У него была также заветная тоненькая книжица, которую

⁷ Дословно: следование по пятам

маэстро сам же и написал, и издал типографским способом. В книжице содержались французские клише, наиболее часто встречающиеся в ооновских выступлениях. Соответствия предлагались в единственном варианте и звучали порой диковато: *A titre d'exemple* переводилось как «Дабы не быть голословным», *Qu'il me soit permis* – «Да будет мне дозволено» и т.д. Соответствия нужно было запомнить раз и навсегда, чтобы никогда больше не думать об их переводе. Как понял Денисов позднее, в этом учении содержалась великая польза: заученные навечно клише освобождали время и позволяли направить умственную энергию на то, что действительно нужно было переводить. Тот же Мастюков привил и почтительное отношение к Клиенту. Проработав множество лет с партийно-правительственными делегациями высокого уровня, он как никто другой знал, насколько это важно. Большое внимание он также уделял вопросу питания и всегда советовал на достаточно крупных мероприятиях посещать в перерывах буфет. Курсачи, которых частенько подряжали под конец учебы на халтуру, любили спрашивать учителя, подленько предвкушая ответ: «Семен Семеныч, а вот нам как лучше: здесь, в институте, поесть, или на конференции (скажем, по вероятностным аварийным цепочкам АЭС)?» При таком вопросе лицо Мастюкова становилось крайне серьезным, как будто речь шла об основополагающих принципах синхронного перевода: «Там, там поешьте», - важным кивком головы отмечая каждое «там» неизменно отвечал Мастюков.

Всю эту умело выстроенную преподавательскую пирамиду увенчивал Лев Евграфович Бугров – непревзойденный мастер и учитель синхронного переводческого дела. В первые же секунды знакомства с ним возникала уверенность в том, что это – личность незаурядная. Его внимательный и строгий, несколько исподлобья, взгляд пронизывал собеседника насквозь. Густая и неседущая, несмотря на продвинутые годы, грива украшала крупную голову Льва. Черты лица, как и само лицо, тоже были крупными. Впечатляли жировые наросты на лохматых бровях и волевым подбородке. Они казались не чужеродными образованиями, а запасными накопителями серого вещества, явно не помещавшегося даже в таком просторном черепе, каким обладал Бугров. Впечатление это усиливалось энергичными подергивающимися движениями, в которые приходили сгустки в моменты интеллектуального напряжения. Помимо мощного мозгового потенциала, Бугров, хотя и был невысокого роста, обладал недюжинной физической силой. Вещества обменивались в его организме с такой же молниеносностью, с какой перерабатывалась в его голове информация: в обед Лев проглатывал огромные куски грубого студенческого корма и продолжал оставаться поджарым и жилистым. Обильные возлияния, перемежающиеся частыми, но недолгими периодами полной завязки, не имели видимых негативных последствий для его физической и интеллектуальной мощи. Рассказывали, что во времена своей бурной юности Бугров проходил на руках весь Петроверигский переулок, в котором находилось инязовское общежитие, приняв предварительно пол-литра водки. Достигнутый в нем совершенный баланс «знания и силы» пошатнулся лишь один раз, причем явно в сторону силы. Этот судьбоносный инцидент случился, когда Бугров работал синхронистом в отделении ООН в Женеве. Как-то вечером он возвращался домой по узким улицам старого города, находясь в состоянии сильного алкогольного опьянения. Это состояние не понравилось придирчивому полицейскому, который задержал Бугрова и отвел в участок. «И тогда я подумал, - рассказывал сам Лев, - ведь я же сильнее этого зажавшегося швейцарского полиция, ведь я могу победить его!» Расчет оказался неверным: в отличие от Бугрова, трезвый блюститель порядка на упражнения ума никогда не отвлекался и основную часть жизни проходил на руках. После

ожесточенной, но короткой схватки, Лев был закован в наручники и посажен (по его собственному выражению) «в клетку». Инцидент удалось замять, Льва отправили на родину, но из «клетки» уже не выпускали: Бугров стал безнадежно невыездным и оставался таким вплоть до развала Союза, вместе с которым распалась и клетка.

Это пространственное ограничение не помешало, однако, полному расцвету его переводческого таланта. На момент поступления Денисова на курсы Бугров находился в зените своей профессиональной славы. По быстроте реакции, широте кругозора, богатству словарного запаса ему не было равных. В его умных глазах, наивно защищенных толстыми стеклами очков от тупых предметов и субъектов внешнего материального мира, собеседник мог буквально видеть уходящие вглубь бесконечные синонимические ряды. «This is a man of an amazing vocabulary»⁸ – отозвался о нем как-то Сорос. Бугрова приглашали на самые трудные и ответственные мероприятия (в техническом и политическом отношении) – начиная с научных симпозиумов, посвященных рассмотрению проблем внутреннего устройства ядерных реакторов или расстройств желудка, и заканчивая партийно-правительственными встречами во Дворце съездов.

Только не отдающие себе отчет в собственной ничтожности коллеги могли не признавать верховенства Бугрова. Однако ненасытная натура Льва постоянно требовала нечто большего, добавки. Такой добавкой был письменный перевод сложнейших научных статей и произведений литературных классиков. Во время учебы Денисова на курсах Бугров переводил Гоголя, а также статьи для «Scientific American». Он жил в состоянии непреходящего восхищения языками оригинала и перевода – английским и русским. «Как приятно прийти домой с хорошей гулянки, рассказывал Лев, - сесть за стол, раскрыть перед собой тетрадь, разделить очередную страницу пополам по вертикали и записывать с одной стороны русские слова и выражения, а с другой – их перевод на английском. Как, кстати, вы перевели бы слово «недоросль»? Тут наросты приходили в движение, глаза округлялись, наполняясь светящейся радостью находки: «Young hopeful!» Как? По-моему, в самую точку!»

В синхронном переводе Бугров не терпел наукообразности и мистификации. «Да-а-а, Венечка написал довольно изящную книжку о синхроне, но ведь если подумать хорошенько, то обязательно придешь к выводу, что все сводится к одному единственному правилу: «Взялся за гуж – говори что-нибудь». Пусть нескладно, зато верно».

Методические советы Льва Евграфовича будущим синхронистам отличались своеобразием, и не сразу становилось понятной их поразительная глубина.

«А вот когда Вы учились, - спрашивали его «курсачи», - как Вы занимались, какая у Вас была система?» «Ну что, - следовал ответ, - после занятий, бывало, покупали авоську водки, закусь, собирались в 506-й (об этой аудитории речь еще пойдет дальше), выпивали, а потом боролись посередине комнаты». «А потом?» «Я же сказал: «А потом боролись»». «И все?» «И все».

При этом Бугров признавал право на существование и множества других, не менее эффективных методов обучения. В специфических случаях пить, и даже курить, не рекомендовалось. В своей профессиональной жизни Лев Евграфович лично знал высококвалифицированных переводчиков, которые поддерживали ясность ума и быстроту

⁸ «У этого человека потрясающий словарный запас»

реакции только физическими упражнениями. «Возьмем, например, - здесь Бугров называл соответствующую фамилию, - ему уже 81 год, каждое утро занимается гимнастикой йогов, стоит на голове, принимает контрастный душ и до сих пор переводит как бог». Когда попадались пленки с особенно трудными или техническими текстами, и обучающиеся «пускали пенку», Бугров, слишком хорошо думая о своих подопечных, советовал: «Не надо так долго думать, не надо мудрствовать. Если вы слышите: «sump» - так и переводите: «зумпф», или «прямок», если слышите: «driftbolt» - не выдумывайте, говорите: «дорн»».

Мастер ратовал за терминологическую точность и с иронией отзывался о «мастюковской системе»:

«Работали мы как-то на конференции по лесному хозяйству. Выступления были очень техническими, очень плотными. Я проработал какое-то время, спецы сменяли друг друга, мы уже прошли целый ряд стадий производственного цикла: валку, обрезку, трелевочный волок. Уже раскрывали бревна, когда меня сменил Сенечка Мастюков и сразу же, ничтоже сумяшился, громогласно объявил в микрофон: «У нас в стране очень много лесов...» Зато потом был страшно наказан. Пришел он, естественно, голодным и в перерыв сразу же поспешил в банкетный зал, где уже были накрыты столы для делегатов, но там что-то еще не было готово, и его погнало. Сеня долго мучился, не выдержал и купил в платном буфете пирожок за 20 (двадцать) копеек. Только надкусил – как всех пригласили к халявным яствам. Пирожок пришлось доесть, но с какой же горечью вспоминал затем Сеня зря потраченные 20 копеек...»

506-я

Занятия по синхронному переводу проводились, в основном, в аудитории № 506 - лингафонном кабинете, оборудованном несколькими звукоизолированными кабинками и центральным пультом. Магнитофоны были довольно допотопными, бобинными, с громоздкими микрофонами и наушниками. Судя по величине кнопок, ручек и тумблеров, сделаны они, наверное, были давно, где-нибудь в Скандинавии, и предназначались для использования викингами. Некоторые злые языки поговаривали, что ООН будто перечисляла средства для замены лингафонного оборудования более современным, приспособленным уже для самураев, но пошли они на другие цели. И действительно, каждая очередная экзаменационная комиссия ООН поначалу удивлялась антиквариату, но ей объясняли, что аппаратура оказалось настолько хорошей, что менять ее просто жалко.

Бугров восседал за центральным пультом, возложив руки на рычаги управления проигрывающим и записывающим устройствами. Правый глаз он щурил, чтобы не допускать туда дым от сигареты, торчащей из уголка рта. Поставив какую-нибудь пленку с записью выступления в ООН, Лев Евграфович поочередно слушал наши переводы и записывал их. Когда выступление заканчивалось, наступал «момент истины», т.е. позора и унижения: Бугров собирал всех за большим Т-образным столом перед своим пультом, проигрывал куски выступления и наши переводы и делал соответствующий разбор. В конце урока он давал несколько новых пленок, которые нужно было «сделать» после занятий. По домам расходились поздно вечером. И так было изо дня в день.

В этом, собственно, и заключался метод Льва Евграфовича Бугрова. Он резко отличался от всех остальных известных методов полным своим отсутствием. «Теория Бугрова» заключалась в практике: необходимо было перевести как можно больше

выступлений на самые различные темы, самых различных ораторов, «проработать» как можно больше различных переводческих ситуаций, чтобы «непроработанных» ситуаций, тем и ораторов оставалось как можно меньше. Отсюда – способность «прогнозировать» и, соответственно, возможность расслабиться и сосредоточиться лишь на том, что еще не «проходили».

Падения и взлеты

Бывали моменты, когда Денисов и его товарищи начинали чувствовать себя несколько лучше, посвободнее и поувереннее, расправляли плечи. Тогда Бугров организовывал представление под названием «Прозрение» и вправлял плечи обратно. Для этого он ставил одну из своих «заветных» пленок, приговаривая: «Ну, сейчас будут вам кисельные берега...» Особенно запомнилась речь епископа Десмонда Туту, клеймящего апартеид в Совете Безопасности (речь, понятно, была в Совете Безопасности, а апартеид – в ЮАР). Само начало:

«I speak out of a full heart, for I am about to speak about a land that I love deeply and passionately; a beautiful land of rolling hills and gurgling streams, of clear starlit skies, of singing birds, and gamboling lambs; a land God has richly endowed with the good things of the earth, a land rich in mineral deposits of nearly every kind; a land of vast open spaces, enough to accommodate all its inhabitants comfortably; a land capable of feeding itself and other lands on the beleaguered continent of Africa, a veritable breadbasket; a land that could contribute wonderfully to the material and spiritual development and prosperity of all Africa and indeed of the whole world. It is endowed with enough to satisfy the material and spiritual needs of all its peoples.

And so we would expect that such a land, veritably flowing with milk and honey, should be a land where peace and harmony and contentment reigned supreme. Alas, the opposite is the case»⁹

было столь насыщенным и стремительным, что сразу же истощало, буквально высасывало все силы и деморализовало на весь остаток речи, который был уже вовсе несложным. Для целей обучения такое «тыкание» в собственные «умственные испражнения» - дело,

⁹ «Я говорю от всего сердца, ибо я говорю о крае, который люблю глубоко и страстно, чудесном крае волнистых холмов и журчащих ручьев, ясного звездного неба, щебечущих птиц и резвящихся на лугах ягнят; крае, который Господь щедро одарил земными благами, крае, богатом едва ли не всеми полезными ископаемыми; крае больших просторов, на которых с лихвой хватит места всем его жителям; крае, способном прокормить и себя, и другие страны многострадального африканского континента, подлинной житнице; крае, который мог бы вносить замечательный вклад в материальное и духовное развитие всей Африки, да и всего мира. Он наделен всем необходимым для того, чтобы удовлетворять все материальные и духовные нужды своего народа. И можно было бы ожидать, что такой край, текущий млеком и медом, должен быть краем, в котором царят мир, гармония и довольство. Увы, это совсем не так».

конечно, полезное, если им не злоупотреблять. А именно это и сделал Лев Евграфович на промежуточных экзаменах зимой, которые принимала комиссия с Базальтовым во главе.

После милейшего какого-то Миттерана или Ширака, поставленного Мاستюковым, Бугров запустил ирландского министра, выступление которого было таким «густым» и идиоматичным, что у Денисова вначале перехватило дух, ему пришлось несколько «отпустить» оратора, чтобы «выдать» перевод с более или менее приемлемым русским синтаксисом. Но из-за бешеного темпа, усугубленного ирландским акцентом, пришлось пойти на определенную компрессию. Денисову показалось, что из трудного положения он вышел с честью. Такого же мнения поначалу придерживался и сам Бугров: «Виктор, ирландца ты «сделал» очень элегантно, хотя в самом начале я испугался, что «из-под цилиндра кролик не появится»». Мнения этого он, однако, придерживался всего несколько минут – до тех пор, пока Базальтов, а, следовательно, и все остальные многочисленные члены комиссии, не вынесли свой приговор. Здесь необходимо отметить, что у Базальтова было свое, непоколебимое представление о том, как следует переводить синхронно, хотя сам он этим никогда не занимался. Во-первых, считал он, переводчик не должен делать пауз, если их не делает оратор: в противном случае Клиент может подумать, что его «обманывают» (и здесь Базальтов был прав). Во-вторых - и это главное - должны быть переведены все слова, причем желательно в той же последовательности, что и в оригинале, невзирая на всю смысловую и синтаксическую дикость такого перевода. По Базальтову вполне правильным являлся следующий перевод:

«Мы стоим перед многими вызовами. Имплементация принятых решений становится императивом. Развитие должно стоять в центре обеспокоенностей ООН. Наши усилия будут направляться на мир и права человека. При этом необходимо обеспечивать учет гендерной перспективы». И так далее и тому подобное...

Придаться к чему-либо по формальным признакам в таких случаях было невозможно. Это был так называемый «партийный» - а потому единственно верный - подход к синхронному переводу. Значительно позднее Денисов осознал, что при доведении этого подхода до его логического конца Базальтов оказывался - таки не прав. Подсчет нужно проводить не на уровне слов, а букв, а поскольку в среднем русские слова значительно длиннее английских, то получается, что переводчик еще и «перерабатывает». Но тогда этого осознания еще ни у кого не было. Поэтому приговор Базальтова был суровым:

«Если перевод с французского был осуществлен достаточно адекватно, то при переводе с английского были допущены совершенно недопустимые опущения. Хочется только надеяться, что товарищу Бугрову удастся исправить это, можно сказать, катастрофическое положение».

И надо отдать должное Льву Евграфовичу. Ему все удалось исправить, причем практически мгновенно. Он сумел убедить руководство (Базальтова) в необходимости уволить с курсов всех этих «нежных теоретиков» и «изящных компрессоров» и все часы синхронного перевода отдать ему. Так и было сделано. Наступило время безраздельного властвования Бугрова, закончившегося полным триумфом на выпускных экзаменах, которые принимала комиссия из ООН.

Базальтов

И все-таки необходимо отдать Базальтову должное: при всей своей суровой внешности и внутренней суровости начальник курсов обладал неплохим для своей должности чувством юмора. Можно сказать, что он любил шутить. Шутки его были незамысловатыми и повторяющимися, но удержаться от смеха было невозможно ввиду их происхождения. Например, когда кто-нибудь из учащихся просил разрешения выйти из класса во время занятий, Базальтов непременно спрашивал: «У тебя что, менструация?» Несведущему читателю следует здесь сообщить, что аудитория по половому признаку была исключительно мужской.

Были и экспромты. Как-то учащийся по фамилии Мироян спросил, на каком языке отвечать на сформулированные по-английски вопросы в анкетах для ООН. Базальтов вперил в непонятливого нацмена тяжелый взгляд исподлобья, долго двигал массивной нижней челюстью и, наконец, сказал: «На армянском».

Очень смешной казалась ему фамилия председателя экзаменационной комиссии ООН, приехавшей из Нью-Йорка – Херона. Произносить ее доставляло ему большое удовольствие. «Председателем экзаменационной комиссии является некий господин Херона, - объяснял Базальтов. – По прибытии Хероны в Москву необходимо обеспечить встречу Хероны и размещение Хероны в гостинице. Для встречи Хероны необходим доброволец с автомобилем. Нужно также заказать и подготовить номер в гостинице для Хероны. Херону также необходимо сопровождать из гостиницы на экзамены и доставлять на культурные мероприятия. Хероне потребуется обеспечивать перевод при посещении им музеев и всяких церквей, которые Херона очень любит». Посещение последних, кстати сказать, давно стало обязательной частью программы пребывания членов экзаменационных комиссий в Москве: таким образом преподносилась уникальная культура России, священные ее корни. Во время таких визитов присутствовал обычно и сам Базальтов. Уже в самом начале увлекательных рассказов старающихся для заморских гостей гидов или служителей монастырей он засыпал, сидя где-нибудь в сторонке. Однажды во время паузы в объяснениях икон, в образовавшейся полной тишине, Базальтов внезапно проснулся и громко спросил: «А где тут у вас пищеблок?» Шуткой это, правда, не было. Для Базальтова это был вопрос серьезный, и интуитивно решили оставить его на языке оригинала.

Наконец все экзамены – и не только по синхрону – позади. Денисова распределили в Нью-Йорк, то бишь в Центральные Учреждения, или, как называют их в СМИ, - штаб-квартиру ООН. Весь предшествовавший отъезду в Нью-Йорк период, в том числе и летний отпуск, прошли в сильных волнениях. Денисов и предвкушал работу в ООН, и одновременно боялся, что окажется не «на высоте». Не проходило и дня, чтобы он не повторял что-нибудь из многочисленных глоссариев, любовно составленных во время учебы на курсах, или конспектов. Искал, и иногда находил, новые, более удачные соответствия. По ночам слушал радио на английском и французском языках, внимательно изучал международные события. Ко времени отъезда в Нью-Йорк Денисову казалось, что быть более подготовленным к синхронной переводческой работе в ООН просто невозможно.

Урок третий, заключительный

Путь к совершенству,

или

достижение полного анонимата

Ист-ривер, или Гудзон-река

Само прибытие в Америку никак не отложилось в памяти Денисова. Собственно, он на нее просто не обратил внимания: ни на Манхэттен с небоскребами, ни на гостиницу (смутно вспоминалось что-то сусально-блестящее в вестибюле, чванные слуги в генеральских мундирах), ни на обилие магазинов и всякой всячины в них. Не нашлось у Денисова времени и для «культурного шока», о котором «так долго говорили большевики». За что шок на Денисова здорово обиделся. А зря. Ибо все помыслы Денисова, все его интересы, вся его жизнь были не в Америке, а в незамысловатом коробковидном высотном здании Секретариата ООН с низкой пристройкой для зала Генеральной Ассамблеи на берегу Ист-ривер. Да, именно такими оказались центральные учреждения, что сильно удивило Денисова, привыкшего видеть в советских ТВ репортажах об ООН два небоскреба, расположенных по соседству. Про Ист-ривер Денисов знал, несмотря на статьи в советских газетах, которые рассказывали об ООН как о «небоскребе на Гудзоне». Много лет спустя Денисов прочитал в одной книжке объяснение этого географического несоответствия. Книжка была написана человеком, которого в Советском Союзе знали все от мала до велика: он был единственным советским телевизионным вещалом в США. В главе, посвященной ООН, он клеймил «блохоловов», указывающих на географические неточности в тогдашних репортажах об ООН. Автор утверждал, что река, на которой стоит ООН, на самом деле рукав Гудзона, и поэтому научно правильное название ее – Гудзон. Что лишний раз доказывало всю глубину знаний советскими журналистами описываемого предмета, а также героическую их стойкость перед соблазном назвать реку так, как именовали ее все американцы. Конечно, легче всего было написать: «небоскреб на Ист-ривер». Однако всесторонне подготовленные советские журналисты знают, что американцы в школе географию не учат, и поэтому лучше свериться с картой. На карте, правда, тоже написано «Ист-ривер», но даже при поверхностном рассмотрении прекрасно видно, что это – рукав Гудзона, омывающий Манхэттен с восточной стороны. Хотя все это, действительно, мелочи. А «вещало» Денисов вспоминал с теплой благодарностью за передачи «В объективе Америка», а вернее за ее музыкальную заставку – кусок песни «Can't Buy Me Love» в исполнении знаменитого американского ансамбля «Битлз».

Вхождение в кабину

В первый же день работы Денисова направили работать на пленарное заседание Генеральной Ассамблеи, которая шла уже полным ходом (на дворе был ноябрь). Из кабины Денисов увидел под собой громадный зал на 180 с лишним делегаций, справа на возвышении – мраморный президиум, за которым – среди прочих неизвестных тогда Денисову людей – сидел Генеральный Секретарь ООН – человек «с больших букв». Под президиумом находилась мраморная же трибуна, с которой произносились выступления. Стук молотка председателя, открывающего заседание, ударил Денисова под дых. Уже

была произнесена первая фраза, а Денисов все не мог найти выбитое у него дыхание. Тогда он закрыл глаза и представил себе, что он опять в 506-й и переводит очередную – причем несложную – пленку. «Унизив» таким образом оратора – превратив его в магнитную пленку – Денисов быстро не только обрел вновь дыхание, но и уверенность.

Первая получасовка показалась Денисову несколькими минутами. Затем был 30-минутный перерыв, в течение которого Денисов продолжал слушать выступления, а также перевод своего опытного партнера по кабине. Ко 2-й получасовке волнение исчезло, и все пошло как по писаному.

А писаного оказалось довольно много. К своему удивлению, Денисов обнаружил, что на пленарных заседаниях Генеральной Ассамблеи синхронным переводчикам приносят тексты большинства выступлений. Тексты, в принципе, облегчали перевод, в особенности когда речь изобиловала цифрами и цитатами. Однако вскоре вскрылась и неожиданная для Денисова трудность: текст приковывал к себе внимание сильнее, чем устная речь, и когда бывали расхождения (недаром на титульном листе текста помечают: “Check against delivery”¹⁰) между написанным и произносимым, Денисову было невероятно трудно верить не своим глазам, а своим ушам. Так Денисов по-настоящему осознал всю силу печатного слова. Со временем он понял, что когда оратор читает свое выступление очень быстро и к тому же решил проявить красноречие, лучше вообще «оторваться» от текста, чтобы не «увязнуть» в сложных подчинениях предложения, занимающего полторы страницы.

На практике освоил также Денисов различие между письменной речью и устной. Мыслительный процесс, необходимый (или, по крайней мере, желательный) для создания письменной речи, во время ее произнесения обычно отсутствует. Денисов сразу же понял, что переводить значительно легче, когда выступающий говорит без бумажки, создавая свою речь «на месте». В таких случаях умственная работа оратора и переводчика происходит практически одновременно. Именно поэтому Денисов более свободно и уверенно чувствовал себя на неофициальных консультациях или переговорах. В «знакомых» подкомитетах или рабочих группах можно было и расслабиться: просмотреть по ходу газету или побаловаться с кроссвордом. На официальных «тусовках» это было невозможно: даже если оратор начинал достаточно медленно зачитывать свою речь, через несколько минут - это был какой-то непреложный закон, «закон ускорения» - он все быстрее разгонялся и к середине уже буквально захлебывался собственными словами. Речь превращалась в монотонную дробь, издаваемую дятлом. Денисову же казалось, что мозг его становился склизкой скалой, с которой скатывались, не задерживаясь, круглые словечки-камешки. В таких случаях Денисову важно было не только оторваться от текста, но и от самого оратора, бездумно, на одной ноте выкрикивающего слова. Денисов переставал вслушиваться в отдельные слова и как бы «поднимался» над выступающим. Все внутренние «сущности» работали – бегали, слушали, говорили как и всегда, но только на более высоком, что ли, уровне. «Видны» уже были не только произносимые слова, а целые фразы и даже целые абзацы. Дышать становилось свободнее, время замедлялось, секунды становились длиннее и распадалась на отчетливые доли. При этом Денисову казалось, что он слышит внутренний «метроном», не позволяющий ему сбиться с ритма.

¹⁰ Сверять с речью оратора

Сам же оратор уменьшался, становился как бы игрушечным, и потеря его физической значительности также помогало «одержать над ним победу».

В некоторые – редкие – моменты Денисову казалось, что он «видит» и те участки речи, которые еще произнесены не были. Безусловно, это только казалось, никакими сверхъестественными способностями Денисов не обладал. Однако ощущение такое было, и от него делалось еще просторнее и спокойнее. Впрочем, однажды Денисов произнес в микрофон номер резолюции и только после этого услышал, как тот же номер назвал оратор. Будь обсуждаемый предмет знакомым – Денисов тщательно готовился к заседаниям и внимательно знакомился с соответствующими резолюциями – в таком «угадывании» не было ничего удивительного. Однако на этот раз вопрос для Денисова был совершенно новым и никаких документов, относящихся к нему, до заседания представлено не было. «Курьезное и счастливое совпадение», – подумал Денисов.

Пятнистые негры и другие профессиональные трудности

Но все эти профессиональные тонкости пришли не сразу. Денисов овладевал мастерством синхронного перевода постепенно, на протяжении многих лет упорной работы. Поначалу – для самоконтроля – он записывал на диктофон собственный перевод и прослушивал его в машине, возвращаясь с работы домой. Дома он переписывал в тетрадь наиболее удачные варианты перевода трудных мест, пытался найти оптимальные соответствия, которые не «пришли» в кабине сами. После каждого хорошо переведенного выступления Денисов испытывал чувство, похожее на то, которое запомнилось ему из детства: на улице весна, все уроки сделаны, и ты выбегаешь – вылетаешь – из подъезда и тебя переполняет необъяснимая радость, которой становится еще больше из-за того, что ее не нужно объяснять. Если же что-то было переведено неважно или вовсе было непонятно и осталось непереверженным, в душе Денисова надолго поселялся мрак. Напрасно Денисов твердил себе прочитанную у какого-то французского автора фразу: «*Regreter la faute, c'est la repeter.*»¹¹ До головной боли проигрывал он неудавшиеся места, давая различные варианты перевода. Если Денисов что-то недослышивал или недопонимал из-за небрежности оратора или природной неприспособленности речевого аппарата последнего к английскому или французскому произношению – это было еще полбеды. Но вот когда он не успевал или – еще хуже – не знал как перевести какое-нибудь сложное место, он бичевал себя до полусмерти, долгое время не давая зажить ранам, посыпая их солью жгучего стыда. Стыдно было перед неведанным Клиентом, которого он пусть нехотя, но обманул, перед коллегами, которые доверяли ему как равному себе. Но тяжелее всего было осознавать свою собственную ограниченность, которую Денисов никак не мог преодолеть: нет-нет, но попадалась незнакомая цитата или неизвестное латинское выражение, или же риторическое мастерство оратора было просто выше его способностей.

Особую осторожность нужно было проявлять с идиоматическими выражениями. Казалось бы, что может быть проще: Вы выучили иностранный язык, Вы знаете, что поговорка на английском языке «*the leopard cannot change his spots*»¹² соответствует русской «горбатого могила исправит», Вы переводчик, Вы так и переводите. Скажем, делегата Танзании, который решил оживить скучную беседу красным словом. Вслед за танзанийцем слово берет его кенийский собрат, который, проявляя остроумие, говорит,

¹¹ Сожалеть об ошибке – это значит повторять ее.

¹² Дословно: леопард не может изменить своих пятен

что среди леопардов бывают и альбиносы. Можно прямо так и перевести, но внезапно возникшие леопарды, да еще и альбиносы, могут, по крайней мере, вызвать чувство замешательства, если не испуга, у русскоязычного Клиента, который только что имел дело с людьми, пусть и горбатыми. Можно проявить творческое начало и сказать, что среди горбатых бывают альбиносы, после чего Клиент может засомневаться, а туда ли он вообще попал. Зажмурив глаза, можно сказать, что есть горбатые, которых не только могила исправит, в надежде на то, что Клиент не будет интересоваться - просто из человеческого любопытства - какие еще варианты имеются у горбатых. Но и после этого возможны два нехороших поворота событий: 1) берущий слово мальгаш развивает образ, натравливая на упрямых леопардов слонов; и 2) сам Клиент просит слова и говорит: «Вот вы тут говорили про горбатых...». И пока эти варианты не реализовались, нужно любым путем вернуться к пятнистым леопардам и никуда от них больше не отходить.

В практике бывали случаи и пострашнее. Притчей во языцех стал один переводчик, который французскую поговорку «il y a anguille sous roche»¹³ перевел как «there is a nigger in the woodpile»¹⁴, что вызвало соответствующую реакцию у чернокожих делегатов.

Однако благодаря постоянному упорному труду таких минут позора становилось со временем все меньше. Да и к своим промахам Денисов стал относиться спокойней. Только чувство радости от хорошего перевода оставалось прежним.

Коллеги

Со своими русскими коллегами Денисов держался корректно и предупредительно. Однако свое общение с ними он ограничивал чисто деловыми контактами. Например, он никогда не позволял себе опаздывать к началу заседания или своей очередной получасовке. Всегда шел навстречу партнеру, когда тот просил начать или отпустить его пораньше. В свою свободную получасовку подыскивал документы, которые могли пригодиться коллеге при переводе. При этом Денисов вовсе не искал дружбы и не старался угодить. Он просто хотел, чтобы на заседании, на котором работал он, хорошо переводил и его коллега. Денисов дорожил честью своей профессии и никогда не считал свою роль второстепенной. (С изумлением вспоминал он иногда «мучения» Бугрова, который не мог отделаться от осознания лакейского характера переводческой профессии.) Ошибки же партнера могли бы вызвать недовольство Клиента всем переводом, что могло отрицательно сказаться и на репутации самого Денисова.

Что касается коллег из других кабин – «иностранцев» - то их, за некоторыми редкими исключениями, как бы и вовсе не было. Поначалу Денисов, приходя на работу, вежливо здоровался с ними при встрече. Однако приветствия его никакой видимой реакции не вызывали: иностранные коллеги будто не замечали кивка головы и не слышали «Good morning» или «Hello». Чаще всего они отводили взгляд в сторону, словно вдруг увидев там что-то очень интересное, иногда же смотрели прямо в Денисова, вернее сквозь него, будто его и не было. «Наверное, они думают, что все русские – агенты КГБ», думал первое время Денисов. Позднее он понял, что был о них слишком хорошего мнения: когда коллегам нужно было выяснить значение какого-нибудь русского слова или посоветоваться, как лучше перевести что-то с русского, они обращались к нему как к

¹³ Здесь что-то неладно (дословно: здесь под камнем сидит угорь)

¹⁴ Здесь что-то неладно (дословно: здесь в поленнице сидит негр)

старому другу. Причем через минуту уже подчеркнуто не узнавали его, словно мстя за мгновение собственной слабости. Денисов не обижался: в конце концов, не здороваться было, в принципе, проще, чем здороваться, да и в коллегам чувствовалось что-то ущербное: то ли увеличенное «эго» при понимании своей непризнанности, то ли обостренное осознание собственной, но не прочувствованной другими, непохожести, в том числе и сексуальной, то ли изъяны происхождения или гражданства. «Смотри, - говорил единственный друг Денисова в Нью-Йорке Рустэм, с которым он учился вместе на курсах, - в нашей профессии либо моральные уроды – типа нас с тобой, либо половые извращенцы - типа меня без тебя, либо просто калеки. Нормальных людей нет». Денисов принимал это за шутку, но за помощью к иностранным коллегам – даже в критические минуты – обращаться избегал. Пару раз – в эпоху перестроечной эйфории - его все-таки приглашали в «иностранные» дома. Но ошибка была быстро понята: Денисов не умел увлекательно рассказывать о «процессах» в СССР и Горбачеве и не играл на балалайке.

Служение идеалам в условиях кунсткамеры

Повышение зарплаты, продвижение по службе, улучшение условий труда – не более семи заседаний в неделю, эргономические кресла в кабинках, новая аппаратура в залах заседаний, компенсация за переработанное время – все то, что так волновало сослуживцев – совершенно не беспокоило Денисова. К счастью, ходить на производственные собрания, на которых обсуждались эти вопросы, было не обязательно. Денег же платили достаточно для того, чтобы покупать корм и одежду для себя, жены и двух детей, платить за лечение, когда оно было необходимо, и помогать родственникам в России и Украине. Главным же для Денисова было иметь беспрепятственную возможность заполнять – в тетради или уме – левую колонку соответствующим переводом оригинала, записанного в правой колонке многочисленных глоссариев, заведенных им для всех комитетов, подкомитетов и экспертных групп, в которых ему приходилось работать. Ради этого Денисов даже отказался от поездок на работу на машине и перешел на электричку. Железная дорога, а также отсутствие необходимости ходить на какие-либо вообще собрания и даже здороваться со знакомыми, в принципе, людьми, давали дополнительное время для любимого дела.

С годами Денисов становился все более требовательным и к работе других. Нет, вслух он ничего не требовал, просто сам того не желая, внимательно присматривался, а вернее прислушивался, к тому как работают его коллеги. Качество работы большинства из них Денисова вполне устраивало. Но были и такие, которых Денисов недолюбливал или даже вообще терпеть не мог.

Денисов был убежден, что в синхронном переводе все должно быть прекрасным, в том числе и подача, дикция, манеры поведения. Заик, конечно, среди знакомых переводчиков не было, но встречались коллеги с дефектами дикции: картавые, шепелявые, пришепетывающие. Даже при полной адекватности самого перевода Денисов не мог без раздражения их слушать. При этом он понимал, что по отношению к таким людям он, наверное, несправедлив, ведь они, в конце концов, не виноваты, они так устроены, но пересилить себя не мог. Ведь Клиент в течение одного заседания был вынужден слушать такую подачу по крайней мере полтора часа!

Были же такие, которым Денисов простить никак не мог. Например, бубнящим в микрофон невнятно и на одной ноте. Некоторые «бубнящие» еще и чавкали или чмокали

губами. Благодаря им Денисов выучил испанский язык. Он сделал это для того, чтобы не «братъ с реле», т.е. не пользоваться переводом, поступающим из английской или французской кабины, а переводить испаноязычных ораторов напрямую. Денисов поступал так довольно редко - официального экзамена он не сдавал и не имел никакого желания этого делать – лишь в тех случаях, когда его перевод напрямую не мог быть хуже, чем с «реле», или когда в качестве «реле» были люди, которых он просто боялся: проработав десятки лет синхронными переводчиками, они так и не научились переводить. Причем иностранных языков они могли знать «вагон и маленькую тележку». Некоторым не хватало «школы», некоторым – природных способностей. Одни, как роботы, старались во чтобы-то ни стало перевести все слова, невзирая на контекст, гонясь за оратором, захлебываясь собственной слюной, бубня и чавкая. И чмокая губами. Другим было просто физически тяжело переводить: они тяжко вздыхали в микрофон, набирали в легкие побольше воздуха и вновь тяжко вздыхали, делали долгое: э-э-э-э-э-э, потом наконец быстро-быстро, как в трансе, что-то проборматовали, после чего цикл повторялся. Был вообще патологический случай: свою неспособность переводить этот человек компенсировал передачей всей гаммы эмоций, с которыми произносил свою речь оратор. Иногда эта передача была более, чем стопроцентная. Однажды, не сумев перевести все ужасы пыток, о которых рассказывала сама жертва - петиционер, он просто разрыдался и рыдал довольно долго: то ли от сострадания к жертве, то ли от собственного бессилия.

К своему ужасу Денисов вынужден был признаться, хотя бы самому себе: эти люди порой так раздражали его, что он готов был ударить их по голове палкой, а потом ударить еще и еще раз. «Некомпетентность должна приравниваться к преступлению против человечности», - полушутил он. Ему часто вспоминался один случай, происшедший с ним в самом начале его ооновской карьеры. Его партнером на заседании Генассамблеи был опытный и важный с виду переводчик, прикомандированный из Женевы. Денисов пришел за 5 минут до начала своей получасовки и надел наушники. «Женевец» в это время свою получасовку заканчивал. Заканчивал свою речь и выступавший в это время пакистанец, как обычно уже преодолев звуковой барьер. Денисов сразу же понял, что что-то не так, очень не так: пакистанец благодарил высокое собрание за внимание, а товарищ из Женевы только приступал к изложению истории индо-пакистанского конфликта из-за Джамму и Кашмира. Денисов посмотрел на лежащий перед партнером текст выступления и похолодел: до конца оставалось еще страниц пять. А председатель уже предоставлял слово следующему оратору. «Ветеран» аккуратно отчертил карандашом абзац, который он закончил переводить, и не спеша передал остающиеся страницы Денисову. Абзац заканчивался словами: «Из основных причин конфликта можно выделить следующие десять...» В это время на трибуну поднимался закутанный в белую простыню сенегалец. Денисов вопросительно посмотрел на старшего товарища. «Держай, старик», - важно промолвил товарищ и с чувством исполненного долга вышел из кабины. «Что же мне с ЭТИМ делать?» - в отчаянии подумал Денисов, глядя на кипу с основными причинами. Но на размышления времени особо не было: мог «убежать» и сенегалец. Страницы отправились в корзину непереверденными.

Не всегда радовали Денисова и «письменные» коллеги, с работой которых он внимательно знакомился перед каждым заседанием. В их переводах можно было прочесть про Генерального Секретаря, выражающего «высокую тревогу» и имеющего «многие обеспокоенности», про «вызовы и императивы времени», «учет рисков» и другие интересные вещи. Чувствовалось, что люди либо страшно устали, либо на самом деле

заняты чем-то другим. Как-то в обеденный перерыв Денисов встретил в обеденный перерыв на Манхэттене одного своего «сокурсника» - письменника, который после развала «совка», занимался, в основном, тем, что переправлял кораблями и поездами какое-то барахло из Америки в родную Бурятию, в результате чего сколотил неплохое состояние. «Сокурсник» был заметно нетрезв, но Денисова узнал и обрадовался. «Старик, - закричал он, - пошли к латиноскам, я теперь только к латиноскам хожу, они такие веселые и отсасывают очень весело. Хочешь, тебе тоже отсосут?» Пока Денисов оглядывался в новом для себя измерении действительности, в которое он так внезапно был ввергнут, «сокурсник» обиделся и дрогнувшим голосом спросил: «Неужели у тебя нет мечты в жизни?» Затем резко вновь повеселел: «А хочешь, пойдём выпить – я угощаю! Не, не хочешь? Тогда ты меня угощай!» Денисов уже не знал, на что ему отвечать, к тому же он все еще не мог оторваться от присосавшегося к нему первого вопроса. Когда он решил попытаться ответить хотя бы на второй вопрос, «предпринимателя» уже и след простыл...

Вообще, Денисова стали раздражать многие вещи, которые раньше казались незначительными. Например, его злило, когда партнер опаздывал его сменять. Особенно, если это делалось систематически и еще со словами: «Sorry, старик, закрутился, ты там отмотай сколько надо и приходи попозже». «Отматывать» же, тем более точно, до последней минуты, было бесполезно: если партнер опаздывал каждый раз, то в подсчетах можно было запутаться. Собственно, и сами злостные опоздальщики не рассчитывали, что этим действительно кто-то будет заниматься.

Даже великие мастера, такие как Корчагин, иногда если не раздражали, то неприятно удивляли Денисова. Корчагин же среди переводчиков пользовался не меньшей известностью, чем его легендарный однофамилец среди советских людей, которых долго учили тому, как закалялась сталь. Его называли «матерью русского синхронного перевода». Родительские права он разделял с самим Палладием Панасенко, который был вечным личным переводчиком последнего Генсека и который был, соответственно, «отцом». Переводил Корчагин, безусловно, очень хорошо и даже написал про это книгу. Однако в последнее время маэстро стал позволять себе в кабине шалить: адекватность перевода он доводил до абсурда. Свою манеру переводить он называл «адекватность плюс». Если оратор говорил тихо - Корчагин шептал, если оратор повышал голос – Корчагин кричал как резаный, если оратор говорил невнятно и быстро – Корчагин переходил на полную бракадабру или просто выл. Более того: даже при совершенно нормальном темпе «господин председатель» у него всегда становился «гэ писатель», а «господин», соответственно, - «гэ». Таким образом, его перевод изобиловал «гэ послами», «гэ генсеками», «гэ помгенсеками» и т.д. Группа 77-и была, естественно, «гэ 77», а Группа 8-и – «гэ 8», встреча же в верхах в Осло превращалась в «ослиный саммит». Были и другие причуды. Некоторые – довольно трогательные, некоторые – небезопасные для находящихся поблизости. Когда, например, Корчагину приносили текст речи уже в конце выступления (что случалось нередко, русским порой вообще не приносили текстов), он яростно выхватывал его из рук сотрудника, обслуживающего заседание, и, не отключая микрофон, рвал на маленькие – премаленькие кусочки, бросал в урну и еще плевал вдогонку. А однажды – Денисов работал с Корчагиным в «святая святых» – Совете Безопасности – стали происходить вещи, которые, в принципе, не должны происходить в кабине синхронного перевода. Переводил в это время Денисов. Оратор, как обычно, быстро читал заранее написанную речь, Денисов едва поспевал за ним. Несмотря на

предельную сосредоточенность на выступлении, Денисов боковым зрением не мог не заметить, что за его спиной происходит что-то неординарное. Повернув голову от микрофона вбок, Денисов увидел страшную картину: Корчагин поднимал вверх перевернутое огромное эргономическое кресло, стоящее в розничной торговле минимум 300 долларов и купленное организацией оптом по 999 долларов за штуку, и изо всех сил бросал его вниз. После очередного броска он ставил кресло в нормальное положение, садился в него, недовольно хмыкал и повторял процедуру. Денисову понадобилась пара добрых минут, чтобы понять смысл происходящего: Корчагин столь грубым способом пытался установить высоту кресла пониже, т.е. под свой рост, а поскольку кресла были приобретены совсем недавно – после многолетней борьбы профсоюзных активистов синхронной службы с косной и скупой администрацией – он не знал, что высоту можно регулировать при помощи специального рычага, расположенного под сиденьем. Продолжая перечислять населенные пункты в Демократической Республике Конго, захваченные повстанцами, Денисов попытался привлечь внимание уже порядком вспотевшего партнера к рычагу, показывая рукой на место его расположения под своим сиденьем. Нехитрый замысел Денисова заключался в том, что Корчагин, увидев рычаг под Денисовым, поймет, что необходимо делать со своим собственным креслом. Что на самом деле понял Корчагин – осталось неизвестным. Заметив жестикуляцию Денисова, он заглянул под него, покрутил пальцем у виска и продолжил бросать кресло.

К причудам коллег, однако, Денисов относился с пониманием. В своей профессии он считал их делом вполне обычным. Неоднократно вспоминал он совершенно справедливые (как обычно) слова Бугрова: «Следите за здоровьем, ребята, берегите нервную систему. Стресс накапливается незаметно, а проявляется внезапно и порой весьма бурно».

В данной связи вспоминался один мирный и внешне уравновешенный переводчик, работавший в Женеве и слывший прекрасным семьянином: находясь в отпуске, он поехал с семьей на автомобиле путешествовать по соседней Италии; доехав до Венеции, он вышел из машины, позвал жену и стал бить ее головой о багажник. Почему он так поступил, почему нужно было ехать для этого именно в Венецию – никто - и прежде всего сам он – объяснить не смог.

Был еще один случай, опять же в Женеве (какое-то таки залятое место, как, собственно, многие деревенские кладбища), но уже посерьезнее, с поножовщиной: один синхронист, то ли из ревности, то ли по каким-то другим причинам, попытался убить другого синхрониста. Убийства не случилось, потому как нож, которым решил воспользоваться несчастный, был швейцарским и перочинным. Обошлось малой кровью. «В общем, без надобности не напрягайтесь, продолжал советовать Бугров, - поменьше смотрите всяких thrillers и horror flicks¹⁵, побольше мультфильмов, особенно хороши «Looney Tunes»¹⁶»...

Оглядываясь назад, Денисов видел Аркашу Горющенко – одного из первых опытных синхронистов, с которым он познакомился по прибытии в Нью-Йорк. За Аркашей замечалась лишь одна невинная странность: идя по коридору, он отмахивал от своего лица только ему видимых мух, приговаривая при этом что-то неразборчивое.

¹⁵ Триллеры и «ужастики»

¹⁶ Американский мультфильм

Да и за самим собой Денисов знал определенные странности. В последние годы он стал замечать, что все труднее сосредоточиться на том, что говорится, но не нуждается в немедленном переводе. Он включал телевизор – и «отключался». Собеседник превращался в одинокого певца, поющего, порой и приятно, на чужом языке. «Да ты вообще слышишь, что я тебе говорю? – обиженно спрашивала жена». «Нет», – честно отвечал Денисов, после чего уровень шумового фона вокруг существенно возрстал. Однажды находясь в России в отпуске, он «беседовал» со своей сестрой и вдруг услышал ее выкрик: «Ты что, действительно, «того»?»

Искушение на рабочем месте

Денисов понимал, что и его повышенная раздражительность, и перепады настроений (обычно между плохим и очень плохим), и частые «впадения» в ступор, могут иметь самые различные и неосознанные им причины. Однако одну из них Денисов знал очень хорошо. Собственно, он даже прекрасно помнил тот день, после которого в его жизни все стало «не так». Он работал в третьем – «социальном» – комитете, одном из наиболее словообильных в ООН. Были обычные «пулеметные» речи о необходимости побороть (почему-то только наполовину) нищету в мире к 2015 году. Денисов был в ударе. Было трудно и весело. Все получалось. Отработав получасовку, Денисов вышел из кабины и, улыбаясь, сказал также выходящему из своей кабины британскому коллеге: «Well, the guy from Madagascar was incredibly fast, but I think I did a good job!¹⁷» Вообще-то,

Денисов не ожидал никакой реакции от британского коллеги, особо заметное презрение которого к славянам объяснялось неспособностью овладеть «великим и могучим», с которого он был официально «способен» переводить. Однако на этот раз британец отреагировал. «Well, who cares how well you did? – произнес он на оксфордском английском, – Who was listening to you, anyway?¹⁸» Денисов рассмеялся, давая понять, что скифу не чужд не только германский хладный гений, но и тонкий английский юмор. Про себя же подумал: «Во мудило, сам все утро газету читал – на русском никто не выступал – а туда же...» Хотелось что-то сказать легкое и умное, но британец уже ушел «to do lunch¹⁹» с сопоставимым с собой «западным» коллегой, сразу же забыв нечаянно потраченные на Денисова слова.

Денисов же эти слова не забыл. Они оказались для него ядом замедленного действия. Он стал замечать многие вещи, на которые раньше не обращал внимания: положение селектора языка перед предположительно русскоговорящим делегатами, рабочие документы, представляемые только на английском языке, нечеловеческие усилия, предпринимаемые дипломатами из «ближнего зарубежья» выступать по-английски. Однажды, когда Денисов переводил в очень сложном комитете, рассматривающем административные и бюджетные вопросы (как говаривал Бугров, там с похмелья лучше было не появляться), зашел его партнер и громко спросил: «Что, мастерство оттачиваешь?» Отключив микрофон, Денисов поинтересовался, в чем дело. «Здесь же Лешка сидит, он только английский слушает». Денисов посмотрел на Лешку – крупного во всех отношениях российского дипломата, который, несмотря на прекратившийся русский перевод продолжал живо следить за дискуссией. Денисов надеялся, что вот-вот

¹⁷ «Мальгаш говорил со страшной скоростью, но я, по-моему, справился с ним неплохо!»

¹⁸ «А какое, собственно, значение имеет то, насколько хорошо Вы справились? Кто Вас вообще слушал?»

¹⁹ Дословно: «делать ленч»

Лешка поднимет руку, прервет заседание и пожалуется председателю на то, что перевод на русский исчез. Но Лешка этого не делал. После этого Денисову было очень неприятно работать в этом комитете. Он больше не приносил с собой папку с глоссариями с бюджетной терминологией и с нетерпением ждал окончания каждой своей получасовки.

Однако переводить Денисов по-прежнему любил. Он все также соревновался со «спринтерами», все также «воспарял» над оратором, все также пребывал в состоянии детского счастья после особо удачного перевода. Только теперь это состояние случалось все реже и быстро пропадало, словно неожиданный ясный проблеск в обложном осеннем небе. А после особенно прыткого оратора у Денисова наступала одышка и болело в груди. Поначалу эта боль была непродолжительной и даже какой-то сладкой, но потом стала пугать. Он уже ловил себя на том, что часто использует первое попавшееся слово, лишь бы успеть, а когда все-таки не успевал – больше не убивался. Не смущаясь более и следуя примеру дипломатов, русский язык которых все более походил на английский, Денисов принялся «отвечать на вызовы времени», «поднимать гендерную проблематику», «откликаться на обеспокоенности» и «учитывать риски». Все чаще он использовал одно слово вместо целого ряда синонимов, что раньше считал непростительным. Но, может, сердце здесь было и не причем. Может, истинной причиной его «падения» заключалась в том, что скрипучий и монотонный Мадригалкин, когда ему случалось работать с Денисовым, спрашивал в микрофон скрипучим и монотонным голосом: «Хорошо слышен русский перевод?», после чего замолкал, не заметив какой-либо реакции среди русскоязычных делегатов. Сам Денисов так не поступал: в больших залах можно было и не заметить Клиента, да и была надежда на то, что кто-нибудь все-таки его слушает.

Наконец случилось то, о чем еще предупреждал великий Бугров. «Ребята, - увещевал он, - не распускайтесь в кабине, всегда держите себя в руках и не упускайте микрофон из виду. И никогда не материтесь в кабине. Помните: настанет день, когда вы не заметите, что микрофон включен – то ли вы сами его забыли отключить, то ли звукоинженер или ваш напарник оставил его включенным – и выругаетесь во всеуслышание. Последствия могут быть весьма печальными». Денисов был однажды свидетелем подобного прокола. На заседании подкомитета по мирному использованию атомной энергии необычайную активность проявлял франкофонный делегат из Африки: то ли из Буркина-Фасо, то ли из Чада. Он постоянно брал слово и всех критиковал, в том числе и атомную энергию. Он также шутил. Шутка (она была одна) заключалась в том, что за инструкциями по любому вопросу ему не нужно обращаться к своему начальству в МИДе Буркина-Фасо, а достаточно «*consulter ses ancetres*»²⁰, которые делились с ним «*sagesse africaine*»²¹, причем «консультировался» он с ними прямо в зале. Вдобавок ко всему на делегате-«медиуме» был большой белый балахон до пят и высокий круглый колпак. Заседание проходило довольно мило: «балахон» купался во всеобщем вынужденном внимании, нажимал на кнопку, включающую микрофон, крутил ручку громкости - в общем, веселился как мог; остальные вежливо улыбались. И вдруг разразился скандал. «Чадец» стал заявлять официальный протест, требовать сатисфакции, кричать, что его, а через него и представляемый им Чад и всех его домочадцев, только что оскорбили: французский переводчик, которого он слушал, назвал его «*guignol*» - по-русски, значит, петрушкой. Все закричали, что это возмутительно, что необходимо

²⁰ Посоветоваться с предками

²¹ Африканская мудрость

наказать виновного. «Виновный» сидел в соседней кабине справа, за стеклянной перегородкой. Это был седой сухонький француз, который в это время неотрывно смотрел на свой микрофон и нервно шурился. Руки его теребили гладкую маленькую курительную трубку, которую ему очень хотелось закурить. Француз посмотрел на Денисова и, слегка пожав плечами, виновато развел руками: дескать, подвела нелегкая, и на старуху бывает проруха. Инцидент каким-то образом удалось замять. Интересно, думал Денисов, вспоминая этот случай, заставили ли француза извиняться перед африканцем? Если да, то как это выглядело? Подходит к большому африканскому представителю маленький пожилой француз и говорит: «Г-н делегат, извините, пожалуйста, меня за то, что я назвал вас петрушкой. Я нечаянно. Я больше не буду». Скорее всего, обошлось официальной перепиской и выговором.

Денисов теперь чаще обращал внимание на внешность Клиента. Клиент явно изменился, помолодел, постройнел, заговорил на иностранных языках, порой узнать его можно было лишь по табличке перед микрофоном: без нее туркмены казались турками, эстонцы – финнами, армяне – киприотами, украинцы – поляками; столь привычный глазу штамп с надписью «Made in the USSR» начинал смываться даже с российских лиц. Однако несмотря на молоджавость и другие видоизменения Клиента, который явно становился человеком новой формации, Денисов сохранял к нему почтительное отношение. Он не мог отзывать о нем фамильярно, как это делали некоторые, более молодые его коллеги. «Это кто здесь из русских сидит? – могли спросить они, присматриваясь к аудитории, - Васька, что ли? Чего это он в 6-м комитете делает?» Или: «Здесь сегодня Борька сидит, он не «слушает».

Слушать начал Денисов. Причем как-то незаметно для самого себя. Может, из-за того, что он чувствовал (хотя сам себе не признавался в этом), что сверять каждое слово (или даже вообще какое-то слово) с совестью переводчика больше не обязательно, у Денисова появилось в кабине довольно много свободного времени. Впервые за много лет Денисова действительно услышал, о чем говорят на международных заседаниях. Чешуя отпала не только от глаз, но и от ушей его. За редкими исключениями, дискуссии казались Денисову на удивление скучными, а то и попросту бессмысленными. Часами, в том числе и ночными, могли спорить делегаты по поводу одного слова или фразы в проекте резолюции, отстаивая свои пусть загадочные, но принципиальные национальные позиции. Например, неизменно возникал жаркий и долгий спор из-за фразы «as appropriate» («по мере необходимости»): обязательно кто-нибудь, обычно делегат Соединенного Королевства, предлагал взамен выражение «when necessary» (что по-русски опять же было «по мере необходимости»). Если же в первоначальном тексте проекта было записано «when necessary», то тогда кто-нибудь, обычно тот же делегат Соединенного Королевства, просил заменить эту фразу на «as appropriate». Денисов не понимал, почему Клиенту не кажется смешным, что в течение долгого времени в зале раздаются решительные требования поменять «по мере необходимости» на «по мере необходимости». Хотя теперь Денисов, конечно, догадывался.

Практически во все предложения резолюций нужно было вставлять слова «особенно развивающиеся страны» (в соответствующем, естественно, падеже), например: «оказывать помощь, особенно развивающимся странам», «предоставлять финансовые средства, особенно развивающимся странам», «проблемы встают перед международным сообществом, особенно развивающимися странами» и т.д.. Если же фразу включать

забывали, то всегда находились бдительные делегаты, особенно из развивающихся стран, которые указывали на упущение. В последнее время стало правилом к этой фразе добавлять слова «в частности, наименее развитые». Потом стали добавлять: «и малые островные» или «не имеющие выхода к морю». В одной резолюции Денисов увидел, что после «особенно развивающихся стран» было записано: «в особенности к югу и северу от Сахары». Ему стало жалко Сахару – обделенную и одинокую.

Денисов не только слушал, но и читал. «Письменные» его коллеги, как оказалось, тоже особенно не старались. В отличие от дипломатов, они еще писали «осуществление», а не «имплементация», но «гендерная проблематика» у них «интегрировалась», а то и «актуализировалась», страны разделяла «цифровая пропасть» (щоб всім по сім, а нам всім, приговаривал при этом Денисов), а Генеральный Секретарь, как водится, «выражал высокую тревогу». Денисов особо не придирался, потому как оригиналы были не менее оригинальны. Но порой приходилось недоумевать, когда что-то происходило «в последнюю субботу», или когда Председатель Арафат писал «письмо на имя покойного премьер-министра Ицхака Рабина», или когда «создавался порочный круг ответных ударов и взаимных обвинений, выдвигаемых правительством Израиля» и «вызывал огорчение тот факт, что палестинское руководство отказывалось сойти с пути насилия». А однажды в докладе о грузино-абхазском конфликте Денисов прочел: «Было убито около восьми грузин». Даже без заглядывания в оригинал становилось обидно за грузин, которых не смогли посчитать несмотря на их немногочисленность. Хотя даже если бы их было гораздо больше, фраза - «Было убито около ста восьми грузин» - звучала бы также нелепо.

Собственно, особо удивляться не приходилось. С улыбкой Денисов вспомнил бывшего начальника русской службы письменного перевода, который несмотря на то, что с момента своего рождения в ЮАР (где работали тогда его родители), почти никогда не бывал в стране Октября, сумел сохранить горячую к ней любовь. Неустанно призывал он своих подчиненных к различным проявлениям патриотизма, в частности к сохранению чистоты великого русского языка. «Негоже, товарищи, в это трудную для Родины (при этом присутствовавшие скалозубы мысленно добавили: «ЮАР») годину, вести себя как мудрые караси, понимаешь...», - пристыдил он как-то на одном из собраний несознательных членов коллектива, спутав пескаря с карасем, который как знают все патриоты, имеют совсем другую характеристику.

Comic Relief²²

Ооновское словоблудие стало частым предметом шуток с Рустэмом - единственным коллегой, с которым Денисов мог общаться. Они делились «перлами», пародировали делегатов и чиновников Секретариата. Работая вместе в кабине, они писали друг другу всякие смешные записки. Например, когда работал Рустэм, Денисов мог положить перед его микрофоном записку: «Слово предоставляется Тринидаду, подготовиться Тобаго». В отместку Рустэм в получасовку Денисова мог подложить что-нибудь вроде: «Слово имеет Бутан. Подготовиться Пропану» или зачеркнуть два последних слова в «Конференции по проблемам стран, не имеющих выхода к морю». Денисов вспомнил молодость, студенческие капустники и стал писать смешные выступления на маленьких листиках бумаги, которые лежали в кабине. Обычно он

²² Дословно: разрядка смехом

показывал их Рустэму, чтобы повеселить его, и выбрасывал. Некоторые же сохранял для истории («болезни», всегда добавлял он), как, например, «Речь всех времен и народов», написанную еще на курсах:

Г-н председатель!

Прежде, чем я перейду к непосредственному рассмотрению конкретного пункта повестки дня, я не могу не отметить, как не могли не отметить и предыдущие ораторы, своевременность и уместность обсуждения проблемы, которая вот уже на протяжении значительного периода времени находится в центре внимания мировой общественности. При этом недостаточно обоснованным представляется утверждение о том, что рамки, в которых было бы возможно найти наиболее вероятное решение этой проблемы, делают малореальным саму постановку столь важного вопроса. Активный поиск путей и средств нахождения наиболее конструктивных и действенных методов выбора оптимального варианта позволяет своевременно и в максимально минимальные сроки определить приоритетную направленность нашей работы. Обеспечивая восходящие линии в наших подходах, поддерживая идею неразрывной преемственности, усиливая и поощряя наращивание результативных тенденций, диктуемых императивами радикальной эволюции коллективного самосознания, мы и впредь будем всемерно развивать основополагающую концепцию вероятностных альтернатив. Мы поддерживали, поддерживаем и будем поддерживать все, что еще можно поддерживать, опираясь на те глубинные сдвиги, которые обозначились на контрастном фоне современной проблематики. Иначе и быть не может. Подобному ракурсу определения критериев оценки не может быть достаточно веской и конкретно осязаемой альтернативы. Ибо по всему спектру своего воздействия на мировоззренческие установки и по степени необратимости перманентного процесса поступательного движения к новому качеству прогресса, сама данность этого высшего акта превозможения обязывает нас к допущению презумпции признания факта достоверным, пока не будет доказано обратное. Было бы неосторожным также допускать, что мы не озабочены тем, что продолжает вызывать нашу обеспокоенность. Ведь тот достаточно высокий уровень, достигнутый на основе воздвигнутого, все еще достаточно низок. Все это так, но вырисовывающиеся сейчас симптомы действительного преобразования, очерчивающиеся намечки грядущего восторжествования несут в себе правомочность мажорной тональности наших устремлений.

Благодарю Вас, г-н председатель.

Рустэм не оставался в долгу. Однажды, проработав до 5 часов утра в Комиссии по устойчивому развитию, он разразился следующими «газетными новостями» ([см. перевод здесь](#)):

JUST IN!

Bloody Rampage at the United Nations

(Frustrated UN Interpreter Goes on a Shooting Spree in the UN Building and then Shoots Himself in a Single Bloody Incident in the UN History)

December 11, 1997. New York. As dawn was breaking over the United Nations building on the East River in New York, a UN staff member (later identified as a Russian interpreter) walked into a conference room, where diplomats from around the world were still bickering about a wording in a UN resolution, and started firing at point-blank range from a gun at all those huddled in the room. After firing six shots, instantly killing two and wounding four diplomats, the UN staff member screamed "Stop wasting my time!", allegedly uttered a stream of profanities in Russian, and then shot himself, as the diplomats and present UN staff members watched in shock and disbelief. The U.S. delegate was not hurt.

As hard as it is to assert at this point what really caused that single bloody incident in the UN history, in a private conversation, several other interpreters who were servicing the same meeting admitted that their Russian colleague seemed very upset and frustrated that the diplomats were arguing over three hours whether to use the word "sustained" or "sustainable" in a minor economic resolution. However, it was the fact that none of the Russian-speaking diplomats were listening to his interpreting during the meeting that finally made him "fly off the rocker" and set him off on the shooting spree. "It is really very sad and utterly shocking", said one of the interpreters who witnessed the bloody events as they unfolded, "He was an excellent interpreter and seemed very friendly, quiet and calm. He was a really nice chap".

A UN Security spokesperson was adamant asserting that with the reform under way in the UN security system "there was no way" anyone could have walked into the building with a gun unnoticed.

None of the senior UN officials could be reached for comment.

U.N. About Face After the Bloody Incident In Its H.Q.

(With 4 of Their Comrades Killed and 2 Wounded,
Shocked Diplomats Rethink Their Approach to Developing
Countries Economic Dire Straits)

December 16, 1997. New York. Five days after the single bloody incident in the United Nations Headquarters in New York, which left 4 diplomats dead and 2 wounded, the U.N. General Assembly finally made a decision to vote on six resolutions containing the words "sustained economic growth and sustainable development". Having very little meaning, at best,

to the general reading public, these six words are largely blamed for triggering a shooting spree at the U.N. posh headquarters building, where a Russian interpreter killed 4 and wounded 2 diplomats. Sources say that the embattled interpreter (his name is still being withheld by the U.N. officials) was extremely frustrated that the delegates were wrangling for more than three hours over this, seemingly, insignificant wording.

"This is an extremely significant issue", stated the acting Chairman of the group of developing countries. - "The serious incident we had here last week is yet another striking illustration of the relevance and importance of this matter".

The U.S. delegation, which was the only one to stand in the way of consensus on the day of the bloody events, stated today, even though very cautiously, that it will be prepared to support the emerging consensus.

Commenting the queries as to why it took the U.N. five days to react to the horrible incident, a high official of the General Assembly stated: "In actual fact, our response was instantaneous. However, you must realize that when you have 187 countries, it is not easy to reach a unanimous decision on any question in any period of time."

Even though consensus on including those words into six resolutions was reached today at an emergency meeting of the General Assembly, one delegation reserved the right to "state its position" at the Plenary session to be held tomorrow where the six resolutions are to be approved.

Кровавая бойня в штаб-квартире ООН

(Беспрецедентное побоище в истории ООН: доведенный до отчаяния переводчик открывает пальбу по делегатам в здании ООН, после чего стреляется сам)

11 декабря 1997 г., Нью-Йорк. Когда начинал брезжить рассвет над штаб-квартирой ООН на берегу Гудзона в Нью-Йорке, сотрудник ООН (бывший, как выяснилось позднее, русским синхронным переводчиком) ворвался в зал заседаний, в котором дипломаты из разных стран продолжали препираться из-за формулировки очередной резолюции, и принялся расстреливать их в упор из пистолета. Произведя шесть выстрелов в прижавшихся друг к другу дипломатов, сотрудник выкрикнул: «Сколько можно тратить мое время!», произнес ряд восклицаний, предположительно являющихся русскими ругательствами, и застрелился на глазах потрясенных присутствующих делегатов и членов персонала ООН. Представитель США не пострадал.

Хотя сейчас еще преждевременно говорить о причине этого беспрецедентного побоища в истории ООН, синхронные переводчики, обслуживавшие заседание, в частной беседе признали, что их русский коллега выглядел раздосадованным и

раздраженным из-за того, что дипломаты в течение трех часов спорили по поводу слова, которое следует использовать во второстепенной резолюции по экономическим вопросам: «sustained» или «sustainable» (и то, и другое слово переводятся на русский как «устойчивый»). Однако «последней каплей», приведшей к тому, что у него «поехала крыша», и он открыл беспорядочную пальбу, было то, что никто из русскоговорящих дипломатов не слушал перевод. «Это трагедия, я не могу оправиться от шока, – сказала одна из переводчиц, которая воочию видела, как разворачивалась кровавая бойня. – Он был прекрасным переводчиком и казался таким беззлобным, тихим и спокойным. Он был действительно славным парнем».

Представитель службы охраны ООН указал на проводимую в настоящее время реформу системы безопасности ООН и категорически опроверг «даже малейшую возможность обнаружения охранниками несанкционированного проноса в здание огнестрельного оружия».

Получить какие-либо комментарии от высокопоставленных должностных лиц ООН не удалось.

ООН радикально меняет позицию

(После кровавого инцидента в штаб-квартире ООН, в результате которого были убиты четыре дипломата и двое ранены, их потрясенные коллеги пересматривают свой подход к тяжелому экономическому положению развивающихся стран) 16 декабря 1997г. Через пять дней после беспрецедентного кровавого инцидента в центральных учреждениях ООН в Нью-Йорке, в результате которого погибли 4 дипломата и двое получили ранения, Генеральная Ассамблея ООН наконец приняла решение вынести на голосование шесть резолюций, содержащих слова «устойчивый экономический рост и устойчивое развитие». Эти шесть слов, мало что – в лучшем случае – означающие для обычного читателя, и послужили якобы толчком для стрельбы, которую устроил в знаменитом здании штаб-квартиры международной организации русский переводчик-синхронист. По сообщениям очевидцев, переводчик (представители ООН все еще не раскрывают его имени) был доведен до отчаяния тем, что делегаты в течение более трех часов вели ожесточенные споры по поводу столь незначительной, казалось, формулировки.

«Положение стран Юга – чрезвычайно важный вопрос, – заявил исполняющий обязанности председателя группы развивающихся стран. – Серьезный инцидент, произошедший здесь на прошлой неделе, –

это еще один яркий пример актуальности и значимости этой проблемы».

Делегация США, которая была единственной стороной, противившейся консенсусу в день кровавых событий, заявила сегодня, хотя и в самых осторожных выражениях, что она будет готова поддержать вырисовывающийся консенсус.

Отвечая на вопрос о том, почему ООН потребовалось целых пять дней для того, чтобы официально отреагировать на жуткий инцидент, высокопоставленное должностное лицо Генеральной Ассамблеи заявило: «На самом деле, наша реакция была моментальной. Однако вы должны понимать, что когда вы имеете дело со 187 странами, прийти к единогласному решению по любому вопросу - дело всегда нелегкое».

Хотя сегодня на чрезвычайном заседании Генеральной Ассамблеи был достигнут консенсус по вопросу включения спорных слов в шесть резолюций, одна делегация оставила за собой право «заявить о своей позиции» на пленарном заседании завтра, на котором будут приниматься эти резолюции.

Не откликнуться Денисов просто не мог. На следующий день он отослал Рустэму продолжение ([см. перевод здесь](#))::

FATAL WORDING ADOPTED

New York. December 18. The wording in 6 (six) UN resolutions that became the subject of protracted and seemingly futile negotiations and triggered the bloodbath in the UN headquarters on December 11, 1997, when an exasperated Russian interpreter began firing randomly at UN delegates killing four and wounding two diplomats and then shooting himself, has been finally adopted today in the General Assembly by consensus.

As was reported earlier, delegates to the UN from 187 countries spent endless hours arguing which phrase to use in the resolution: "sustained growth" or "sustainable growth". Eventually, the word "sustained" gained the upper hand. As a price of the compromise, however, the word "growth" had to be dropped.

ROYAL WRATH

London. December 19, 1997. Referring to the bloody rampage at the UN Headquarters on December 11, 1997, which left at least 5 people dead and 2 people wounded, an unnamed member of the British royal family was reported by British tabloids as saying:

"Of course, this ugly incident is highly reprehensible and totally unacceptable. At the same time, we should not blow it out of proportion. After all, there were no permanent members of the Security Council of ambassadorial level present at that unfortunate meeting, and it was just the lower-level diplomatic personnel who were affected." The royal family vigorously rejected the idea that something like that could have been said by one of its members calling the tabloids' report "totally false and sickening."

ABANDONED BY THEIR PRESIDENT

Moscow. 20 December. Interviewed by the Russian TV news program "Vremya" (6,000 miles East of CNN), Russian President Boris Yeltsin, whose speech was passionate if somewhat slurred after the recent viral infection, said that Russia "disavows fully and entirely" the family of the Russian UN interpreter who went berserk during a night meeting at the UN on December 11, 1997, killing 5 people (including himself) and wounding 2, and waives all diplomatic privileges and immunities that were in place for the family members.

The family members could not be reached for comments.

At the time of printing it became known that having the status of dependents of an international employee, the family members were never entitled to any diplomatic privileges and immunities in the first place.

A NEW TWIST IN THE UN MULTIPLE MURDER CASE

New York. December 20, 1997. According to a UN Secretary-General spokesman, Mr. Thaauckaatschj, the Russian UN interpreter who went on a shooting spree at the UN Headquarters on December 11, 1997 is not really Russian but a citizen of Kyrgyzstan (a foreign country 12,000 miles from Washington, D.C. in any direction). Being an ethnic Russian, he became a Kyrgyz as a result of having resided there at the time of the break-up of the Soviet Union.

Kyrgyzstan could not be reached for comments because of poor telephone communication.

A Notice of Correction

New York. 22 December, 1997. It was reported earlier that the wording of the resolution that triggered the bloodbath in the UN headquarters on December 11, 1997, with five people killed and

two wounded, was adopted after hours of negotiation with the word «sustained» in it. In fact, it was the word «sustainable» that was included instead.

A Reversal of Notice of Correction

New York. 23 December, 1997. The notice of correction of 22 December, 1997 indicated that the infamous UN resolution that triggered the bloodbath in the UN headquarters on December 11, 1997, that resulted in five people killed and two wounded, was adopted with the word «sustainable» and not «sustained». In fact, the word «sustained» was used in the resolution.

Роковая формулировка принимается

Нью-Йорк, 18 декабря. Формулировка 6 (шести) резолюций ООН – предмет длительных и, как казалось, бесплодных переговоров, которые стали причиной кровавой бани 11 декабря 1997 г., когда выведенный из себя русский переводчик открыл беспорядочную пальбу по делегатам ООН, убил четырех дипломатов, ранил двоих и застрелился сам, была, наконец, принята сегодня в Генеральной Ассамблее консенсусом.

Как сообщалось ранее, делегаты 187 стран в течение длительного времени спорили, какую из двух фраз включить в резолюцию: «sustained growth» или «sustainable growth» (обе фразы переводятся на русский как «устойчивый рост»). В конечном итоге верх одержало слово «sustained» («устойчивый»). В целях достижения компромисса, однако, слово «рост» было опущено.

Королевский гнев

Лондон, 19 декабря. Говоря о кровавой расправе, происшедшей в штаб-квартире ООН 11 декабря 1997 г., в результате которой пятеро погибли и четверо получили ранения, непоименованный член британской королевской семьи, по сообщениям английских бульварных газет, сказал: «Безусловно, этот отвратительный инцидент является в высочайшей степени предосудительным и абсолютно неприемлемым. В то же время, мы не должны раздувать масштабы этого происшествия. В конце концов, на этом злополучном заседании не было послов стран – постоянных членов Совета Безопасности, и пострадали лишь члены младшего дипломатического персонала». Королевская семья категорически опровергла возможность того, что кто-либо из ее членов мог сказать нечто подобное, и отозвалась о газетных сообщениях как о «совершенно ложных и омерзительных».

Отверженные собственным президентом

Москва, 20 декабря. Давая интервью российской программе теленовостей «Время» (6000 миль к востоку от CNN), президент России Борис Ельцин, речь которого была страстной, хотя и несколько невнятной из-за недавно перенесенной вирусной инфекции, заявил, что «Россия целиком и полностью отрекается» от семьи русского синхронного переводчика ООН, который впал в неистовство во время ночного заседания в ООН 11 декабря 1997 г. и застрелил пятерых человек (включая себя) и ранил четверых, и лишает членов его семьи всех дипломатических привилегий и иммунитетов.

Получить комментарии от членов семьи не удалось.

Во время набора номера стало известно, что имея статус иждивенцев международного служащего, члены семьи русского переводчика никакими дипломатическими привилегиями и иммунитетами никогда не обладали.

Неожиданный поворот в деле об убийствах в ООН

Нью-Йорк, 20 декабря 1997 г.. Как сообщил пресс-представитель Генерального Секретаря ООН г-н Тхааукаатч, русский синхронный переводчик ООН, устроивший пальбу из пистолета в штаб-квартире ООН 11 декабря, на самом деле является гражданином не России, а Киргизстана (страна за пределами США, находящаяся в 12000 милях от Вашингтона, в любом направлении). Будучи этническим русским, он стал киргизом по месту своего жительства на момент распада СССР.

Получить комментарии от Киргизстана не удалось по причине плохой телефонной связи.

Сообщение об ошибке

Ранее сообщалось, что в формулировку резолюции, послужившую толчком к кровавой драме в штаб-квартире ООН 11 декабря 1997г., в которой пять человек погибли и трое получили ранения, было - после долгих переговоров - включено слово «sustainable» (устойчивый). На самом деле, резолюция была принята со словом «sustained» (устойчивый).

Сообщение об исправлении сообщения об ошибке

Нью-Йорк. 23 декабря 1997г.. В сообщении об ошибке от 22 декабря 1997 г. отмечалось, что злополучная резолюция ООН, послужившая толчком к кровавой драме в штаб-квартире ООН 11 декабря 1997г., в которой пять человека погибли и двое получили ранения, была принята со словом «sustainable» (устойчивый), а не со словом «sustained» (устойчивый). На самом деле, в резолюции было использовано слово «sustained» (устойчивый).

Возвращение к себе

Все чаще веселые беседы переносились из зала заседаний в расположенный неподалеку от ООН гостиничный бар. Подогреваемые джином с тоником друзья продолжали соревноваться друг с другом в шутках и пародиях, забывая, что они – не 20-летние студенты, сочиняющие капустник, а убеленные сединой международные чиновники. После излияний и возлияний Денисов возвращался в приподнятом настроении, чувствуя себя помолодевшим. Ночью же ломил затылок, ныл правый бок и «троило» (как любил выражаться шурин-автомеханик) сердце. Если погода была холодной, а еще лучше - морозной, Денисов выходил полураздетый на улицу, и ему казалось, что холод помогает ему продохнуть через затвердевшие клапаны. После чего замерзала и тупая боль в затылке и в боку, и Денисов мог возвращаться в дом.

По утрам работалось все труднее: покруживалась голова, перехватывало дыхание. Денисов переходил в своеобразный режим автопилота, жалея последние капли интеллектуального топлива, и лишь в самых трудных местах, преодолевая боль в распушем от крови мозге («dog's breakfast²³», как удачно выразился Воннегут»), брал штурвал на себя. Его вообще больше не покидала усталость. 15-минутный путь от вокзала до работы преодолевался со все большим трудом. Обеденные перерывы лишь отяжеляли. «Ну, кто это придумал эти санитарные нормы для синхронистов, - вяло думал Денисов, - какой мудрец определил, что мы должны, вернее, можем отрабатывать по семь-восемь заседаний в неделю? Что, проводились какие-нибудь научные исследования, которые показали, что человек может в течение многих лет без особых последствий для здоровья повторять чужие речи на другом языке по 12 часов в неделю? Ну, ладно, на Нюрнбергском процессе можно было еще постараться, не считаясь со временем, чтобы добить немецко-фашистских оккупантов, а работать так всю жизнь... И почему эти нормы называются «санитарными», может, самое главное - чтобы мы не становились слишком грязными, или заразными?»

В этот день Денисов работал на неофициальных консультациях 5-го - бюджетно-административного - комитета. Вернее, ему казалось, что он работает. Отговорив минут пятнадцать про начисление взносов, Денисов наконец заметил, что микрофон все это время оставался невключенным. При этом «Клиенты» продолжали внимательно слушать. Денисов не стал включать микрофон. Он выключил настольную лампу, освещавшую таблицу со шкалой взносов государств-членов, и закрыл глаза. «Как говаривал Мастюков, я - в полнейшем анонимате, - подумал он». Почему-то вспомнился коллега - пожилой испанец, большой чудака (как считали все), который однажды в свою смену вдруг вынул флейту и стал играть. Денисов улыбнулся: «Я не могу играть даже на балалайке».

После работы Денисов вышел из центрального подъезда здания Секретариата в теплый осенний вечер. Фонтан вокруг скульптуры «Single Form» все еще работал. Ветер разносил брызги по кругу, на котором толпились черные дипломатические машины, и заставлял думать о море. «А ведь Нью-Йорк – морской, в общем-то, город, как тот же Бердянск», - подумал Денисов. Перейдя 1-ю авеню, он подошел к стеле, которая, наверное, должна была что-то символизировать. Возле нее сидел смуглый худой человек с картонкой, на которой фломастером было написано, что его права человека грубо

²³ Собачий завтрак

нарушены, что решение суда в 1969 году было несправедливым, что он должен вернуться на родину – Кубу, и что он никогда не занимался анальным сексом. К большому удивлению Денисова, «кубинец» помахал ему рукой как знакомому.

Денисов поднялся по ступеням, которые начинались под стеной с цитатой из пророка Исаяи о мечях, которые необходимо перековать на орала, а копья – на секаторы, или - по русской Библии - серпы, к Тудор-сити – массивным жилым домам из красного кирпича, окружающим зеленый скверик со скамейками. «А здесь совсем не похоже на Манхэттен, да и вообще на Америку», - подумал Денисов и сел на скамейку. В скверике и вдоль домов он увидел большие и незнакомые ему деревья. На стволе одного бежевая кора отшелушивалась, обнажая зеленые проплешины, у другого были громадные листья, из которых можно бы было делать маски якутам, третье разбрасывало вокруг себя мелкие плодики, удивительно сильно смердевшие под ногами пешеходов. Денисов встал, оторвал от каждого дерева по листу и зашагал на вокзал.

Выйдя из электрички, Денисов не пошел домой, а перебрался через ж/д пути к Гудзону. Солнце уже закатывалось за высокий противоположный берег. Ветра почти не было, и вода плавно качалась у берега, глядя гальку. Денисов сел на теплый еще камень и стал смотреть на громадную баржу, которую толкал черный маленький буксир. «Маленьким я мечтал стать моряком. Если бы не ревматизм в детстве..., - с грустью подумал Денисов. - И красота-то какая, почему я раньше сюда не приходил?» Денисов огляделся. Неподалеку два мужика то и дело забрасывали и вытягивали спиннинги. Денисов ухмыльнулся: «Вот американцы чудные – думают, что если у них снасти по последнему слову техники, то вся рыба – их». «Чего-то не клюет ни хуя», - сказал один из рыболовов, и слова его поплыли далеко-далеко над тихим краем, притаившимся от диковинного говора. «Прямо Кинешма какая-та, - содрогнулся Денисов и поднялся, - сейчас еще бурлаки появятся. Из-за излуины».

Придя домой, он увидел на кухне загнанную завядшую женщину, скрывавшуюся уже добрый десяток лет от американской действительности за кипой русских книг и газет, и понял, что вот это – его жена Зинаида. Денисов заговорил с ней, она посмотрела на него, но ничего не сказала в ответ. «Может, глухая», - подумал Денисов.

Денисов перешел в комнату младшего сына, который сидел за уроками. Заглянув в тетрадку, он увидел уравнения, которые сын лихо решал одно за другим. «Ну что, все получается?» - спросил Денисов. Младший сын посмотрел на Денисова, как будто перед ним был не родной отец, а заговоривший на русском языке баклажан, и ничего не ответил. На столе сына Денисов увидел полевой определитель растений. «Listen, could you help me to identify these trees for me?» - спросил он и протянул пачку листьев. «Let me see, - деловито заговорил сын, - this one here is a tulip tree, this one is a plane tree, and this one is a ginkgo tree.» «Все понятно: тюльпанное дерево, платан, он же чинара, и гинкго. Кто бы мог подумать», - подумал Денисов.

Он вернулся на кухню и сел за стол напротив жены Зинаиды. Помимо газет, перед ней громоздилась кипа абсолютно одинаковых по размеру детективов на русском языке. «Их, наверное, пишут на вес», - подумал Денисов. Стол был покрыт пестрой клеенкой, веселость которой легко гасилась желтым от старости линолеумом на полу, испещренным трещинами. В трещинах хранилась полувековая грязь, вьевшаяся и почти уже съевшая сам линолеум. Отмыть или отскоблить грязь было невозможно, победа была за нею. «Ее,

наверное, поставили с линолеумом в валентную связь, - подумал Денисов, у которого была тройка в школе по химии. – Этот пол скоро станет земляным.» Денисов с трудом оторвал от пола будто тоже успевший приклеиться взгляд. С высокого потолка над газовой плитой свисала на голом проводе что-то похожее на люстру в одну лампочку. Люстру нужно было бы как следует прикрутить к потолку, но у хозяина-ирландца все не доходило руки, хотя он и обещал «обязательно сделать это завтра». У Денисова же руки тем более не доходили, так как у него не было лестницы. «Вот так, наверное, и в Северной Ирландии, - мрачно подумал Денисов, - они все говорят: «Ну, все, завтра кончаем это беспорядок, все это межобщинное насилие. А руки так и не доходят»».

«Руки надо помыть», - вспомнил Денисов и прошел в ванную. Открыв воду, он посмотрел в зеркальные поверхности раздвигающихся створок проржавевшего металлического ящичка, прибитого к стене над раковиной. Из зеркала на него взглянуло лицо – одутловатое, в лиловых и красных пятнах, с обвисающими щеками и дряблым вторым подбородком. «Я становлюсь похожим на портрет Дориана Грея», - усмехнулся Денисов и отвернулся от своего лица. Стены ванной были снизу уложены плитками, которые по количеству трещин не уступали кухонному линолеуму. Стены и потолок были не покрашены, а лишь покрыты «грунтом»: несколько лет назад хозяин хотел сделать здесь ремонт. На них были разбросаны пятна плесени. Когда-то бывшая белой ванна была теперь разноцветной: по сероватому потрескавшемуся фону расплывались лиловые и синие пятна. «Если положить туда мое лицо, - скривился Денисов, - его никто бы не заметил». Он повесил полотенце на вбитый в дверь крючок, прикрыв образовавшуюся после отвалившейся краски проплешину.

Вернувшись на кухню, Денисов вновь сел за стол.

- Ты хочешь есть? – спросила жена.
- Я хочу домой.
- Что ты хочешь этим сказать?
- Я этим хочу сказать, что давай поедem домой.
- Куда домой?
- В Россию, куда же еще. Здесь же невозможно жить.
- Между прочим, мы граждане Украины, и уже давно.
- Ну, поехали тогда на Украину.
- В Украину.
- В Украину.
- О чем ты говоришь? Иннокентию скоро 18, его сразу же заберут в армию.
- Ну и что, в армии – весело, к тому же это только на два года.

- Армия искалечит его.
- Уж скорее он искалечит армию.
- К тому же, нам некуда возвращаться.
- То есть?
- Нам негде там жить.
- Ну, купим что-нибудь, какую-нибудь квартиру.
- На какие шиши?
- На заработанные деньги.
- У нас все деньги уходят на образование детей.
- Есть пенсионные отчисления, на них можно что угодно, хоть всю твою Украину купить, западную - так уж точно.
- Ешь котлету.
- А кстати, Иннокентий что, разве еще не образовался?
- Он – в 12-м классе, у него впереди – колледж.
- Для него есть колледжи?
- Он не хуже других.
- Не надо меня пугать.
- Что ты хочешь этим сказать?
- Хочу сказать, что хочется мне кушать.

Но аппетита особого не было. После двух рюмок водки Денисов отяжелел и едва ковырял котлету вилкой. В зале дети и Зинаида смотрели по ТВ фильм, в котором главный герой Боб оглушительно и протяжно пукал, а его друг Роб подносил в это время к его анусу горящую спичку. Раздавался взрыв, и мощная огненная струя сметала со своего пути наркотрафикантов, похитивших полногрудую красавицу – дочь президента. Те, кто не сгорали в огне, задыхались от зловония. «Похоже на драму», - подумал Денисов и прошел к себе в спальню. Из-под кровати он вытащил большую картонную коробку, в которой хранились старые, в основном черно-белые, фотографии. Денисов не мог и вспомнить, когда в последний раз открывал коробку. Вывалив фотографии на кровать, он лег рядом и стал их рассматривать в свете прикроватной лампы. На многих был запечатлен улыбающийся парень с веселыми, немного насмешливыми глазами. Он стоял под громадными пропеллерами толстых самолетов в окружении одетых, как и он, в летную форму молодых парней. За самолетами были видны то горы, то моря, то пустыни. С обожженным смеющимся лицом он смотрел в камеру, обняв за плечи чернокожих и тоже веселых парней с автоматами Калашникова. В пятнистой одежде, в высоких пыльных сапогах, он улыбался с вершины гигантского термитника, не обращая внимания на надменного верблюда, стоящего рядом. На самолетной стоянке, на которой замерли венценосные журавли, он не обращал внимания на большого и грузного черного диктатора, с любопытством осматривающего крылатую машину, гораздо тяжелее воздуха. На залитой солнцем площади, под плакатом с кофейного цвета Лениным он смеялся на фоне солдат, марширующих перед тронем, на котором сидел маленький и худой темнокожий царевич.

Денисов собрал фотографии и засунул их обратно в коробку. «Это, конечно, не я, и нечего в эту коробку вообще лезть». Он вернулся в зал. «Метанмэн» уже стоял с освобожденной им красавицей под реющим над ним американским флагом и под волнующую музыку получал от прослезившегося президента медаль «За оборону американского образа жизни». «Всем спокойной ночи», - сказал Денисов.

Спокойной ночи не получилось. До рассвета Денисов ворочался с боку на бок, терзаемый сомнениями. «Боже мой, - думал он, - до чего я дошел? И как я до этого дошел? Я повторил, только на другом языке, тысячи, десятки тысяч чужих речей, многие из которых были очень даже мудрыми и глубокими и произносились людьми недюжинного ума, и ровным счетом ничего не запомнил! Хоть бы что-нибудь вспомнить дельное, чтобы сказать собственной семье! Но я ничего не помню! Да, правда то, что у синхронистов память чрезвычайно короткая, на 3-4 слова, а потом и эти слова забываются, чтобы можно было перевести и повторить следующие несколько слов. Долго помнить просто нельзя: память уничтожается мозгом для самосохранения, иначе – короткое замыкание... Это, в принципе, понятно, но что-то происходит и с долгосрочной памятью! Я вот с трудом припоминаю этого молодого человека на фотографиях... Хотя, собственно, кому он нужен, но все же... Эта странная профессия, которая когда-то была одной из главных туристических достопримечательностей в ООН и сейчас никому не нужна, съела не только мою память, но и всю мою жизнь. Стараясь стать невидимым («в условиях полного анонимата»), чтобы сделать максимально естественным общение людей, говорящих на разных языках, я просто перестал существовать. Меня нет даже для самых близких людей! Но что же делать, что делать теперь, когда я понял это? Как-то надо вернуть себя... Завтра же, завтра нужно хорошо, по душам, поговорить с Зинаидой, детишкам принести хороших книг – Марка Твена, Стивенсона, Эдгара По, Киплинга, может, показать им те же старые фотографии...»

Утром Денисов встал совершенно измученный. Сказав Зинаиде, что с утра не работает, он развез детей по школам. Дождавшись, когда на работу придет секретарша, Денисов позвонил ей и сказал, что ему не здоровится. И действительно: стоило ему положить трубку, как позвонил врач, у которого Денисов несколько дней назад проходил медосмотр. «У Вас запредельный холестерин, - сообщил врач. - Вам срочно необходимо принимать меры, вернее лекарства. С таким холестерином в Америке не живут». «Да я и не хочу», - чуть было не ответил Денисов. Закончив разговаривать с доктором, он налил себе еще кофе и стал обдумывать, что сказать Зинаиде и детям. Думать было тяжело, и Денисов решил прилечь. Но на кровати вместо нужных мыслей пришел запоздавший сон...

Проснулся Денисов незадолго до того времени, когда должна была вернуться с работы Зинаида. «Нет, это бесполезно, - смирился Денисов, - нечего морочить голову себе и людям. Да и, собственно, что я могу сказать? Что мне доктор запретил жить в Америке? Нужно смириться с потерей дара речи и собственной личности, работать так, как работал прежде, сверяясь лишь с одним – совестью переводчика, подавая своим пусть бессмысленным, но упорным трудом положительный пример детям, которым такой же труд предстоит в будущем. Нужно всего себя посвятить работе, все подчинить ей. Для этого можно даже делать зарядку по утрам и пить не водку, а лекарства». Выспавшееся лицо Денисова расплылось в улыбке. «Это даже можно оформить официально». Денисов встал и прошел в крохотную комнатку, в которой между вешалкой с висевшими на ней рубашками «для работы», пиджаками и брюками и многочисленными горшками с растениями Зинаиды, едва помещался узкий письменный столик.

Денисов достал из ящика стола чистый лист бумаги, лишь на мгновение задержав взгляд на пожелтевших грамотах, на которых под словами благодарности за выполнение

специальных заданий партии и правительства и интернационального долга ехали танки, плыли крейсера, летели самолеты и ракеты, и, не переставая улыбаться, стал писать:

ДОВЕРЕННОСТЬ

Я, Денисов Виктор Александрович, доверяю г-ну Кофи Анану, Генеральному Секретарю ООН, распоряжаться по своему усмотрению и в интересах организации всеми полагающимися мне правами, свободами и привилегиями, в том числе, но не ограничиваясь этим: правом на отпуск по уходу от жены и детей, правом на личную (но опять же не ограничиваясь этим) жизнь, личное время и устойчивое развитие, а также правом на достойный труд и устойчивое достоинство.

Прошу также лишить меня свободы слова и собрания.

В. А. Денисов, Подпись офицер запаса,

действительный член Национального географического общества Дата

Надо отослать это Рустэму по и-мейлу. Пусть поржет. Денисов набрал номер секретарши и сообщил, что чувствует себя гораздо лучше и завтра выходит на работу. Хлопнула входная дверь: пришла Зинаида. Денисов вышел на кухню, которая служила и прихожей. «О, а ты чего здесь?» – удивилась жена. «Заболел». «Я еще вчера заметила, что ты какой – то сам не свой, думала, не заболел ли. Ну, что стряслось-то?» «Сибирская язва, сейчас уже лучше». «Дурак ты, и шутки у тебя дурацкие!» Сердитость Зинаиды, однако, была напускной, Денисов видел на ее лице явное облегчение. Да он и сам чувствовал себя действительно лучше. Отобедав, Денисов вновь сел за письменный стол и раскрыл одну из общих тетрадок, страницы которой были расчерчены вдоль на две половины. В левой колонке он записал в столбик: «не смущай ты мою душу», «чтобы душа развернулась и свернулась», «душу разбередил», «всю душу вымотал», «еле-еле душа в теле», «родственные души», «души прекрасные порывы»... Денисов не услышал, как пришли из школ дети.

Последний полет

В это утро Денисов был назначен работать на заседание Генеральной Ассамблеи. Настроение было приподнятое, несмотря на тяжесть в ногах и одышку. “Мое содержание полностью противоречит моей форме. Ничего, ничего, главное – здоровый дух, тело потихоньку поспеет, подтянется”. Денисов поравнялся с деревьями, теперь уже знакомыми. “Привет, гинкго, привет, чинарик”. Он подошел к ступеням, ведущим вниз к первой авеню. Перед ним открылся знакомый вид - Секретариатский коробок, круглый купол здания Генеральной Ассамблеи, разноцветные государственные флаги. С Ист-ривер дул приятный, теплый бриз. «Осенью в Нью-Йорке наступают чудные погоды и общие прения в Генеральной Ассамблее». Денисов вздохнул полной грудью, отчего в ней больно и протяжно заныло. «Это не горе, если болит нога, как пел Высоцкий», - улыбнулся Денисов и пошел вниз. «Это не горе, если болит рука», - прошел он первый пролет, «это

не горе, если болит губа» - второй, «это не горе, если болят глаза» - спустился к стеле. Кубинец не пришел, вместо него был пуэрториканец, который не использовал никакой наглядной агитации, а полагался исключительно на свой ораторский дар: он стоял, высоко подняв голову, и потрясая правой рукой, рассказывал ООН о притеснениях, которым подвергается его родной несвободный остров. Говорил он так громко и быстро, что часто уставал и тогда садился передохнуть на пьедестал под стелой, но ненадолго, а чтобы перевести дух и отереть пот, после чего вновь становился на кромку тротуара лицом к ООН и продолжал выступление. «Ему должен быть положен перевод, - подумал Денисов, - его тоже никто не слушает. Надо с Рустэмом в обеденный перерыв выйти, попереводить: я буду с испанского на русский, а он с русского – на английский. Неполное, конечно, обслуживание, но хоть что-то».

Прежде чем подняться на 3-ий этаж к кабинетам Генеральной Ассамблеи, Денисов, как обычно, зашел в кафетерий, чтобы взять кофе с двумя пакетиками коричневого, нерафинированного сахара. Когда он работал в Генассамблее, в офис он не спускался: он любил приходить в кабину пораньше, пока не пришел напарник, сесть слева, откуда было лучше видно оратора, спокойно ознакомиться с повесткой дня, попивая горячий кофе. Приносящий в кабину документы сотрудник непременно отмечал: «The coffee smells good»²⁴. В 10 часов - время, когда обычно должны начинаться пленарные заседания - пришел председатель, посмотрел на пустой зал и стал ожидать, пока не появится хоть кто-нибудь из записавшихся в список ораторов, чтобы можно было открыть заседание. Председатель был высоким государственным мужем из Финляндии, снискавший у Денисова глубочайшее уважение своей неизменной пунктуальностью. «Великий человек, - подумал Денисов, - будь его воля, он начинал бы заседания без единого делегата». Когда-то, по недомыслию, Денисов придумывал шуточные отчеты заседаний, проводимых скандинавом: «В понедельник, 25 октября **** года в Центральных Учреждениях ООН состоялось 12-е пленарное заседание **- ой сессии Генеральной Ассамблеи. Никто из делегатов не выступил». Или: «На 56-м заседании ГА, прошедшем 15-го ноября был замечен представитель Кирибати. Ему было предоставлено слово...» Теперь об этих шуточках Денисов вспоминал с раздражением. В 10:04 пришел напарник-скрипун. «Я был в офисе - тебя там не было», - неодобрительно проскрипел он. «Это потому, что в 10 часов меня там и не должно было быть. В 10 часов нужно быть здесь, на рабочем месте». «Вот», - сказал напарник, которого Денисов явно сбил с заготовленной заранее фразы, и замолк, обдумывая новую ситуацию. Поняв вскоре, что из этого дела ничего путного не получится, он решил вернуться к первоначальному плану. «Ну что, - перешел он на бодрый тон контуженного военрука, - я вижу, ты уже здесь сидишь, чай гоняешь, может, уже и начнешь?» «Дешевый мир, - подумал Денисов, - мог бы просто взять и попросить меня начать, раз ему уж так надо». «Может, и начну, давай бросим». Бросили монету, и начинать выпало скрипуну. Финн уже стучал молотком...

Когда Денисов вернулся в кабину через полчаса и сел к микрофону, он застал напарника за сотворением очередного словесного шедевра: «Наши усилия будут направляться на мир и права человека». «И трехразовое питание», - продолжил про себя Денисов. Не давая обычной отмашки, Денисов включил свой микрофон и стал переводить. Напарник сразу же исчез. Вначале Денисову казалось, что его мозг тоже «троит», как и сердце. Но уже через несколько секунд ему стало легко и свободно. Он вошел в свой внутренний ритм, который не мог быть нарушен даже самой бешеной скоростью речи

²⁴ «Кофе приятно пахнет»

оратора. Его синтаксическая гибкость легко справлялась даже с самыми тяжелыми атрибутивными нагромождениями оригинала. Расположение самой кабины, нависающей над залом, помогало Денисову непринужденно парить над выступающими. Чем быстрее говорили ораторы, тем выше он поднимался, тем больше у него появлялось свободы и времени. Он переводил, слыша каждое слово читающих, бормочущих и кричащих с трибуны делегатов, превратившихся в хоббитов, и слушая самого себя под постепенно убыстряющийся и нарастающий стук «метронома», задававшего ритм его переводу. К своему удивлению и радости Денисов обнаружил, что теперь может одновременно слушать и свои собственные мысли, что никак не мешало ему переводить.

«Это ничего, что в зале нет не только Клиента»,...

- We find today fewer wars between nations, but more wars within them. Such internal conflicts, often driven by ethnic and religious differences, took 5 million lives in the last decade – most of them completely innocent victims.

- Мы видим сегодня меньше войн между странами, но больше войн внутри самих стран. Эти внутренние конфликты, зачастую вызываемые этническими и религиозными разногласиями, привели к гибели 5 миллионов людей за последнее десятилетие – в большинстве своем ни в чем неповинных жертв.

...«но и вообще никого. Это, в принципе, не имеет»...

- Durant cette dernière décennie plus de 2 millions d'enfants ont été tués dans quelques 150 conflits armés, 6 millions blessés ou handicapés à vie, 15 millions déplacés.

- В течение последнего десятилетия более 2 миллионов детей было убито в приблизительно 150 вооруженных конфликтах, 6 миллионов получили ранения или стали инвалидами на всю жизнь, 15 миллионов стали перемещенными лицами.

...«никакого значения. Мы, в сущности, переводим вовсе не речи»,...

- Les autres soldats contemplaient la scène en comparant les notes. Si l'un d'eux estimait que j'avais mieux satisfait un de ses camarades que lui, il m'obligeait à coucher encore avec lui sous l'arbitrage des autres. Il fallait le faire avec sourire sinon j'étais sévèrement punie.

- Другие солдаты наблюдали за происходящим, обмениваясь впечатлениями. Если один из них считал, что я удовлетворила кого-либо из его товарищей лучше, чем его, он заставлял меня снова спать с ним под внимательным наблюдением остальных. Это нужно было делать с улыбкой, чтобы не быть сурово наказанной.

...«предназначенные кого-то в чем-то убедить или переубедить»...

Денисову показалось, что зал Ассамблеи изменился, стены его вытянулись и отворились узкими длинными витражами. Маленькие люди поднимались поочередно на возвышение, обращали свои лица к небу и произносили свои слова.

- Now, I have only 30 seconds. It would be a pity to disperse from this gathering without making a final commitment to saving the Earth.

- У меня осталось всего лишь 30 секунд. Негоже было бы разъезжаться нам отсюда, не взяв напоследок обязательство уберечь Землю.

«Эти люди просто молятся, а у молитв всегда есть слушатель»...

- My time at the podium is up, but I pray that the time of my country is not.

- Время моего выступления кончилось, но я молюсь, чтобы не кончилось время моей страны.

- Dios bendiga a las naciones. Que Dios nos ilumine a todos.

- Да благословит Господь все народы. Да освятит всем нам путь наш.

- ...and they shall beat their swords into ploughshares, and their spears into pruning hooks: nation shall not lift up sword against nation, neither shall they learn war any more.

- ...и перекуют они мечи свои на орала и копья свои – на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать.

Люди говорили быстрее, стараясь сказать все, но Денисова это только радовало, он чувствовал себя всесильным. Он никогда не ощущал себя столь счастливым. «Какая прекрасная акустика в этом зале. Как хорошо слышен русский перевод», - подумал он. Вдруг под ним все переменялось: людей стало больше, и все они кричали. Только теперь они кричали все одновременно и озлобленно. Самый маленький из одной группы схватил камень и бросил его в голову свирепому великану. Великан рассыпался на тысячи маленьких детей, которые тут же стали метать камни в своих врагов. Спасаясь от камней, люди бежали к вагонам и набивали их до отказа своими телами. Они не замечали, что вагоны были без окон. Не нашедшие места в вагонах бежали в высокую башню и вскоре выбрасывались из окон верхних этажей, объятые пламенем. «Что такое? Что происходит? Это все из-за меня, я ошибся, я неправильно что-то перевел! Ну, конечно, напарник был прав, единственно правильный перевод – «Наши усилия направляются на мир и права человека!»» Но было уже поздно. Люди металась по залу, но слов больше не было. «Конечно, слова бывают только в начале». В полной тишине звучал лишь стук, который ранее служил метрономом. «Ведь это мое сердце, - подумал Денисов, - это всегда было мое сердце». Витражи рассыпались разноцветными стекляшками, и в открывшиеся дыры стала заползать ночь. Денисов уже плохо видел. Напоследок он все-таки успел посмотреть

вниз и увидеть себя, лежащего грудью на консоли и сжимающего рукой
горло
микрофона...

«Гоша, а ну быстро слезай со своего интернета, мне позвонить должны!»
Зинаида сидела на полу посреди картонных коробок, в которые уже были упакованы
вещи, и перевязывала шпагатом стопки книг. «И вообще, я же сказала, от интернета
отказаться, что я сама этим басурманам звонить должна? И компьютер нужно
упаковывать». «Я сейчас, мама, сейчас, - залезбил Гоша, - я только коды для игр
перепишу». «Какие уже теперь игры», - тихо выдохнула Зинаида. «Мама, здесь папе e-
mail пришел! Еще неделю назад! Что мне с ним делать?» Зинаида выпустила из руки
шпагат, встала и подошла к комнате, в которой стоял компьютер. «О кого?» «От дяди
Рустэма. Отпринтить?» «Как хочешь, мне все равно». Гошка раскрыл e-mail.

«Старик, check this out, you gonna love it. ([см. перевод здесь](#))

Another Tragedy on the East River

Simultaneous Interpretation with Extreme Prejudice

January 2, 1998. New York. UN sound engineer Sean MacLouder, who came this morning to the General Assembly interpreters' booths for a routine equipment check, did not expect to see anything exciting in the cramped, dim, and stuffy cells besides a spectacular, if not altogether breathtaking, view of the GA hall below seating delegations from 189 countries. The spectacle he saw in the Russian interpreters' booth, however, was more hair-raising than breathtaking: in one of the chairs, in front of the microphone that was still on, sat a badly decomposed body of an interpreter.

According to the preliminary information of NY police that have begun an investigation, the cause of death was a heart attack the deceased had at the end of the meeting on 23 December 1997, the last meeting before the break for Christmas and New Year holidays. Judging by the grimace frozen on his face and the deadly grip on the microphone neck, the man was calling for help in his death agony. His death rattle, however, fell on deaf years: from conversations with colleagues of the deceased it has become clear that Russian-speaking delegates use mostly English and stopped listening to Russian interpretation long ago.

"I am truly sorry for this good, basically, though unsophisticated, Russian chap, - remarked a distraught female interpreter from the English booth speaking with a crisp British accent. - He would always say "hi" in a friendly manner and prepare for meetings quite thoroughly. What happened was

terrible: the poor bugger was trying to get help from the very people he was interpreting for, but - alas! - no one heard him, or rather listened to him. Unfortunately, we could not see what was happening because our booths are separated by walls, not by glass, like in other conference rooms. Just thinking of the way he died makes me shudder!" "And of the way he lived, too", added her colleague with as crisp a British accent.

Whatever the cause, this death highlights once again the painful issue of the status of the Russian language at the UN. "We all must now ponder over what really happened", said Tao Tse Yang, chief of the Department for Conference Services, "was it simply the death of just another Russian interpreter, or was it the demise of one of the official languages of the United Nations?"

Looking forward to your comments (at the usual place, of course).

As to the other thing, I hope you've changed your mind. Anyway, talk to you soon.

Rus».

Старик, прочти - тебе должно понравиться:

Новая трагедия в небоскребе на Гудзоне:
перевод со смертельным исходом

2 января 1998г. Нью-Йорк. ООН. Штатный звукооператор Виктор Тихий, проверявший сегодня утром аппаратуру в кабинах для синхронного перевода Генеральной Ассамблеи ООН, не ожидал увидеть что-либо заслуживающее внимания в тесных, плохо освещенных и душных каморках, помимо впечатляющего, но уже ставшего привычным вида, открывающегося из них на расположенный внизу зал для делегаций из 189 стран. Однако от того зрелища, перед которым он предстал в русской кабине, у него буквально волосы встали дыбом: в одном из кресел, перед все еще включенным микрофоном, сидел полуразложившийся труп переводчика.

По предварительной информации, поступившей от нью-йоркской полиции, которая в настоящее время ведет расследование, причиной смерти стал сердечный приступ, наступивший в конце заседания Генеральной Ассамблеи 23 декабря 1997 - последнего перед рождественскими и новогодними праздниками. Судя по застывшей на лице гримасе и мертвой хватке обхвативших микрофон пальцев, несчастный взывал в предсмертную минуту о помощи. Его смертельный хрип, к сожалению, не был, да и не мог быть услышан: из бесед с коллегами покойного стало ясно, что русскоязычные

делегаты пользуются, в основном, английским языком и русский перевод давно уже не слушают.

«Мне, право, искренне жалко этого, в общем-то, неплохого, хоть и простого русского парня, – отозвалась все еще не оправившаяся от потрясения переводчица из английской кабины, говорившая с ярко выраженным четким британским акцентом. – Он всегда приветливо здоровался и очень тщательно готовился к заседаниям. Это ужасно: бедолага просил о помощи тех, для кого переводил, но, увы, его никто не слышал, вернее, не слушал. Мы же ничего не видели, потому как между нашими кабинами – стены, а не стекло, как в других залах. Я содрогаюсь от ужаса, когда пытаюсь представить себе, как он умирал!» «И как он жил», – добавила ее коллега с не менее ярко выраженным четким британским акцентом.

По мнению высокопоставленных должностных лиц в Секретариате ООН, инцидент ставит ребром давно наболевший вопрос статуса русского языка в ООН. «Мы должны хорошенько задуматься над тем, что же в действительности произошло, – сказал начальник департамента по конференционному обслуживанию Тао Дзе Янг, – была ли эта просто смерть еще одного русского переводчика, или кончина одного из официальных языков ООН?»

Предвкушаю твои комментарии (в обычном месте, разумеется).

По поводу нашей последней беседы – надеюсь, что ты передумал. В любом случае – до скорой встречи.

Рус».

«Weird, - пожал плечами Гошка, - but I guess I should print it out, anyway»²⁵. Он подождал, пока закончится печать, и выключил компьютер. Затем вытащил из принтера распечатанную страницу и прошел в комнату, заставленную коробками и ящиками. На одной из ящиков фломастером было написано: «В. А. Денисов». В нем поверх книг лежали скукожившиеся желтые листья. Гоша опустил вниз страницу и захлопнул крышку.

Послесловие

Синхронному переводчику важно также иметь хороший слух.

2001 г.

Электричка Ривердейл – Гранд Сентрал, Нью-Йорк

²⁵ Странно. Но я все-таки отпечатаю.

